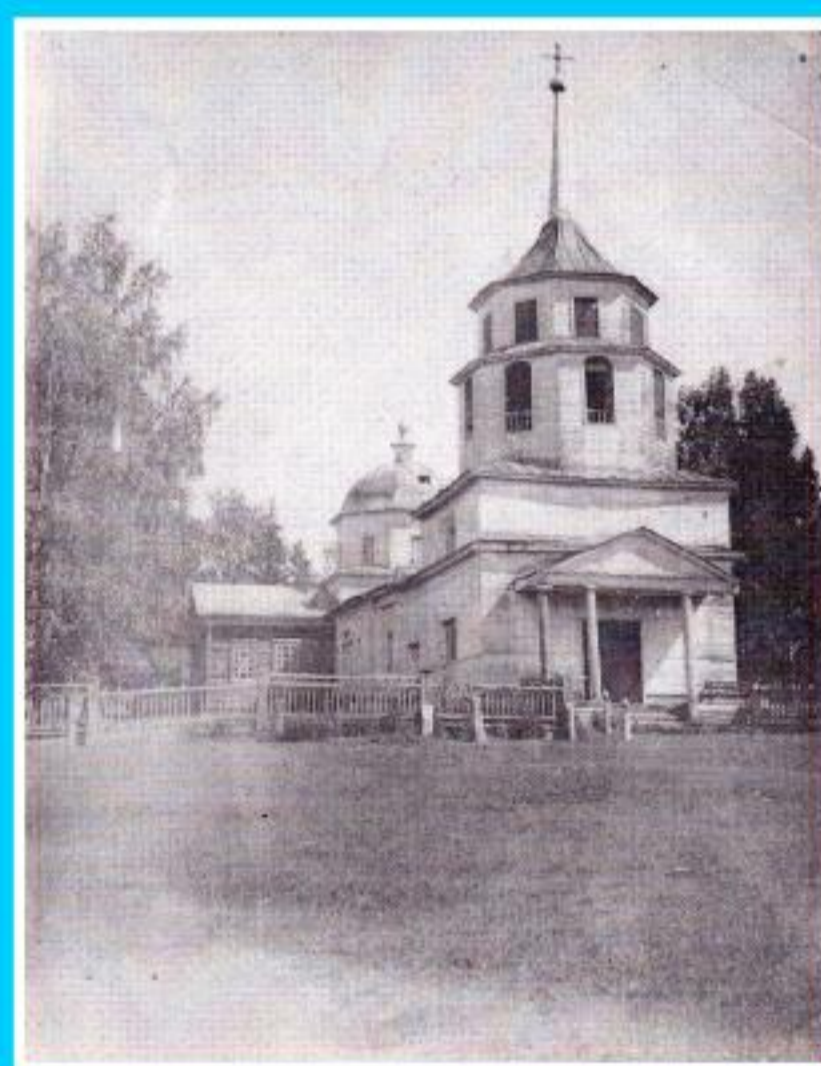

История основания школы
села Верх-Иньвенское
Верх-Иньвенской волости
Соликамского уезда
Пермской губернии

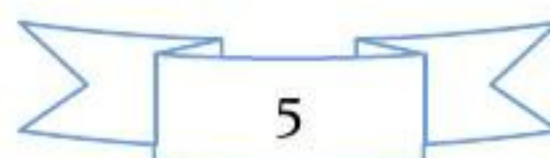
**Верх-Иньвенская
Св. Сретинская церковь
1936 год**

**Вологдин Григорий
Александрович
(01.08.1857 – 30.04.1937 гг.)**

История основания школы
села Верх-Иньвенское
Верх-Иньвенской волости
Соликамского уезда Пермской губернии

Кудымкар
2018

ББК 74.03
И90

Идея: Ермаков А.И.

Составитель: Ермаков А.И.

Редактор: Коколева В.Н.

Технический редактор: Лукиных Н.А.

Верстка: Лукиных Н.А.

И90 История основания школы села Верх-Иньвенское Верх-Иньвенской волости Соликамского уезда Пермской губернии. – Кудымкар, 2018. – 90 с.

В сборник материалов, посвященных открытию школы села Верх-Иньвенское, вошли воспоминания учителя данной школы Вологодина Григория Александровича (1857–1937), проработавшего в ней по направлению земства с 1872 по 1878 год.

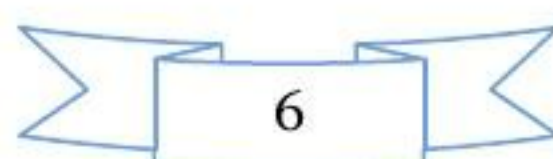
Большое место уделено в мемуарах просветительской деятельности священника Верх-Иньвенской церкви о.Григория (Тотьмянина Григория Серапионовича) и его матушки Анны Алексеевны по открытию и работы школы в селе.

Во время своей педагогической деятельности Г.А. Вологдин опубликовал в газете «Пермские губернские ведомости» статью о селе Верх-Иньвенское, которая также здесь представлена.

Книга адресована учащимся, учителям, жителям Верх-Иньвенского поселения, краоведам и всем, кому интересна история и культура Коми-Пермяцкого округа.

Составитель выражает глубокую благодарность главе администрации Верх-Иньвенского поселения Савельевой Татьяне Григорьевне за помощь в публикации этих материалов.

© Ермаков А.И. Составление, Кудымкар, 2018

Об авторе

Вологдин Григорий Александрович (1857–1937) является первым профессиональным учителем Верх-Иньвенской школы, которая была основана во II половине XIX века.

В каких условиях это происходило, какие трудности и успехи были, какие люди жили в то время в селе, и как они относились к работе школы – все это вы найдете в «Воспоминаниях Григория Александровича Вологодина».

А теперь чтобы проследить судьбу этого замечательного человека, перенесемся на берег реки Кувы у деревни Щукино, где только что в 1856 году заработал Кувинский чугунолитейный завод. Сюда на должность конторщика завода был командирован его отец Александр Григорьевич Вологдин, вместе с ним приехала его жена Александра Павловна, три дочери Мария, Александра, Наталья и их бабушка, а трое старших сыновей Петр, Александр и Павел учились в Москве и Усолье.

Здесь 1 августа 1857 года родился мальчик, которого при крещении 24-го числа поименовали Григорием, в память деда Григория Ивановича, позже родились еще мальчики Анатолий и Владимир.

Отец, трудолюбивый человек, занимался пчеловодством, рыболовством (сам плел сети – мережи и учил этому детей), сеял рожь, держал еще и кур, гусей и уток благодаря помощи бабушки. Семья не держала прислуги кроме молодого парня-пермячка.

Здесь же при заводской школе, еще задолго до школьного возраста, маленький Григорий начал свое обучение. Во время учебы он познакомился с учителем Яковом Петровичем Любимовым, который стал для него примером, и в будущем он так же выбрал профессию учителя.

Обучение шло успешно, и в 1866 году в возрасте девяти лет его отправляют учиться в уездное училище г. Перми с графской стипендией в размере 10 рублей.

С августа 1870 года, после окончания училища он продолжил обучение в подготовительном классе при педагогических курсах в г. Перми, по окончании его перешел на педагогические курсы, где проучился один год, после чего они были почему-то закрыты.

Диплома Григорий Александрович не получил, т.к. не достиг 18-летнего возраста, а выдали только удостоверение, но для получения звания учителя должен был пройти еще практику при каком-нибудь приходском училище. Что он и сделал при Соликамском приходском училище в течение одного года.

Созданные в те времена в губернии земские учреждения создавали сеть новых народных школ, но ощущался недостаток в кадрах учителей, поэтому, замещая вакансии, с возрастом не особенно считались, и хотя ему минуло едва 15 лет, он назначается в село Верх-Иньвенское Соликамского уезда.

В своих воспоминаниях он пишет, что проработал в этой школе по 1878 год. О жизни села и что оно представляло в то время, он пишет статью.

Далее он переехал в село Кудымкор, где продолжил свою педагогическую деятельность в течение трех с половиной лет.

После женитьбы на учительнице Вере Даниловне Котельниковой 13 января 1880 года, в начале марта 1881года они переводятся в Чермоз, Григорий Александрович – учителем и заведующим одноклассной мужской школой, а жена – учительницей женской одноклассной школы.

В 1886году у них родился сын Валентин.

24 ноября 1888 года его жена Вера Даниловна умерла от болезни.

Зимой 1889 года он познакомился с дочерью куренного смотрителя Бажиной Екатериной А. и летом 10 июня бракосочетался.

Во время проживания в Чермозе Григорий Александрович занимался оформлением декораций в театре, руководил самодеятельным оркестром (сам играл на скрипке, виолончели и фисгармонии), был активным организатором и членом потребительского общества, живо интересовался жизнью учащихся и их родителей и опубликовал статью «Что читает население Чермозского завода» (неофициальная часть Пермских Губернских Ведомостей N 22, 1891 г.).

Очень любил рыбалку, охоту, часто гулял на природе.

После 17 лет своей педагогической деятельности по состоянию здоровья он меняет свою профессию и становится начальником лесного стола в управлении с 1 августа по март 1890 г., но канцелярская служба ему не нравилась

В 1889 г. перешел работать в Ведомство государственных имуществ и в течение 12 лет работал в с. Рождественском Соликамского уезда, в лесной даче Лазаревых.

В 1909 г. приехал в г. Чердынь. Работал делопроизводителем школьного отдела Чердынского земства. С 1910 г. на общественных началах заведовал общеобразовательным музеем, с 1914 г. ему было выделено земством жалованье. С этого же года он являлся членом Общества любителей истории, археологии и этнографии Чердынского края, принимал активное участие в пополнении музея экспонатами.

В 1916 г. вышел в свет, составленный им «Краткий каталог музея Общества любителей истории, археологии и этнографии Чердынского края». В 1918 г. Общество прекратило свое существование, и коллекции его музея были переданы общеобразовательному музею, заведовал им. Г.А. Вологдин. В 1920 г. он организовал при Чердынском народном доме «лекционно-литературно-музейную секцию», формировал кадры лекторов и разрабатывал циклы «чтений-лекций». В 1922 г. Г.А. Вологдин, оставаясь на посту заведующего музеем, организовал из энтузиастов-краеведов кружок по изучению Чердынского края. В 1925 г. кружок был преобразован в Общество изучения Чердынского края. В 1929 г. Г.А. Вологдин уехал в г. Ленинград.

Вологдин Григорий Александрович умер 30 апреля 1937 года в Ленинграде.

Хотелось бы выразить этой публикацией уважение к исторической Памяти, Благодарность людям, приносящим Свет, и выразить надежду, что она будет Примером для нас и будущих потомков.

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Учительство (1872–1878 гг.)

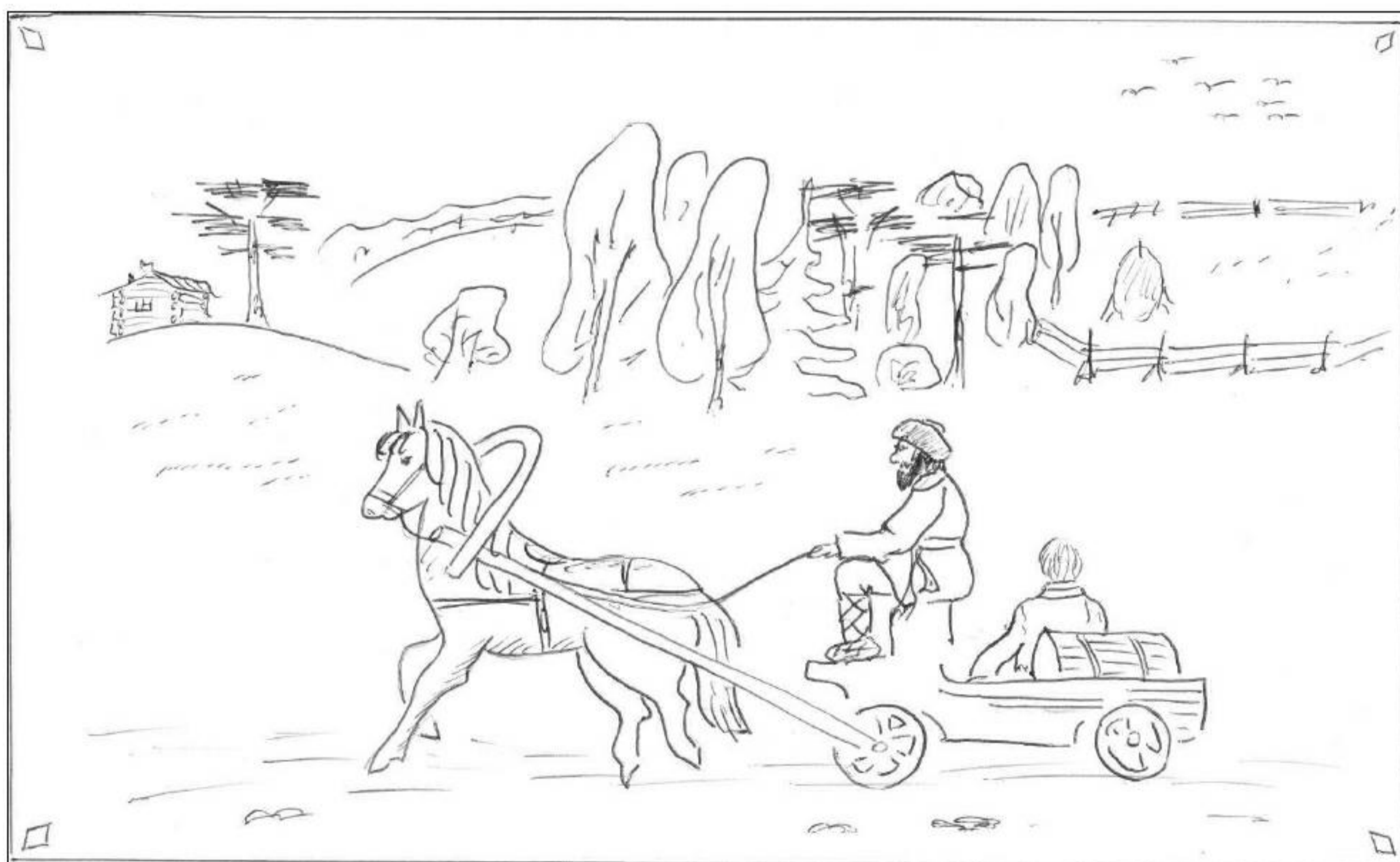
По дороге к месту службы

Село Верх-Иньвенское, как показывает самое название, находится в верхнем течении довольно большой реки Иньвы, в 180 верстах от уездного города, в глухом лесном углу уезда, среди коренного пермяцкого населения.

Назначение на должность учителя в этом селе я получил в сентябре 1872 г., и через два дня по выезде из города Соликамска, миновав несколько русских селений, я подъезжал к месту службы.

Почти от самой последней станции дорога шла густым еловым лесом, изредка прерывавшимися небольшими площадями полей, среди которых, около дороги, ютились деревушки с домами своеобразного типа, каждый состоял из двух стоп, с промежутком, занятым сенями и крылечком понаружи, покрыт был тесом в желобья, а сверху концы тесин придавлены были толстым бревном с выемкою, которое называлось, как потом узнал, «охлупнем»; почти все дома не имели окон со стороны улицы, а вместо них виднелись только небольшие продолговатые отверстия с рамками, на которых вместо стекла была натянута брюшина. Вместо печной трубы некоторые дома увенчивались деревянным резным «дымником», по присутствию которого можно было заключить, что эти избы «черные».

Рассматривая внешность этих жилищ, мне хотелось взглянуть и на внутренность их и, между прочим, ознакомиться с домашнею обстановкою будущих моих питомцев, и я попросил ямщика остановиться у одного из ближайших домов, придумавши предлог попросить напиться. Ямщик, из обруселых пермяков соседней волости, счел нужным спросить меня, знаю ли я по-пермяцки и, получив отрицательный ответ, подвязал лошадь и пошел в избу вместе со мною, объяснив по дороге, что если в доме не случится мужика, то мне одному толку не добиться: тут только мужики понимают и, хотя плохо, но говорят и по-русски, а бабы русской речи совсем не знают.

Через маленькую калитку в заборе прошли в грязный двор, почти весь крытый соломою по жердям, положенным на концы корявых столбов; по крылечку со ступенями из целого дерева поднялись в сени,

из которых через очень низкую дверь проникли в избу. Здесь меня обдало спертым, кислым воздухом, и в первое время я не мог ничего различить от царившего тут мрака, и только когда глаза привыкли, я мог кое-что разглядеть.

Стены и потолок в избе были совершенно черные от насевшей на них сажи, как бы обугленные или густо просмоленные; пол только по предположению сделан из дерева, настолько он был покрыт грязью. Сквозь брешину маленьких окошек едва проникал матовый свет. На полу в грязи копошились какие-то лохматые существа, которых можно было принять за поросят, если б не было на них болтающихся синих тряпок. У одного из них во рту торчал с грязной коровьей соской рог.

Мужиков действительно не оказалось дома. При нашем входе две женщины, старая и помоложе, пораженные своей неряшливостью и нечистоплотностью, удивленно устремили на нас воспаленные от дыма, как я предположил, глаза (впоследствии оказалось, что многие пермяки страдают трахомою).

Ямщик, пролепетавши какое-то приветствие, спросил питья. Одна из женщин, постарше, зачерпнула ковшом из стоявшей около печи корчаги какую-то сероватую жидкость, влила ее в кружку и, обтерши ее вокруг грязною рукою, поднесла мне, с поклоном. Я не хотел пить, но, так как зашел под этим предлогом, должен был принять кружку и сделал глоток этой жидкости, причем получилось ощущение чего-то отвратительно густого, кислого и горького, и я пить больше отказался. Возница же мой с видимым удовольствием выпил подряд две кружки. Это, как оказалось, я попробовал национальный пермяцкий напиток –

«сюр». Когда поехали дальше, мой ямщик, заметно повеселевший и сделавшийся более словоохотливым, подробно объяснил мне из чего и как готовится этот напиток. Я узнал, что «сюр» приготавливается из овсяного солода с добавлением некоторой части ржаного; солод разводится сырою водою в корчаге, мешается просто руками, а затем добавляется хмель в количестве по желанию хозяйки, и корчага ставится на ночь в печь, а на утро уже готова эта брага к употреблению. В важных случаях, на праздниках, свадьбах, помочах, «сюр» готовится с большой примесью хмеля, а иногда под днище корчаги в печи подкладывают листья табака-махорки; получается уже дурман, от которого три дня трещит голова.

От всего виденного и слышанного первые мои впечатления были далеко не из приятных, и я продолжал путь, будучи в удрученном состоянии духа, представляя себе по этим образцам ту среду, где я должен насаждать образование.

Место службы, приискание квартиры

Выехавши, наконец, из леса, который стеною стоял по обе стороны дороги, мы спустились под гору в долину реки Иньвы, которая в этом месте спружена для неподалеку стоящей водяной мельницы. За прудом, на фоне дальнего леса, на возвышенном месте обозначилась сероватая масса построек и серая же приземистая церковка. Это место моей службы – село Верх-Иньвенское. Чтоб попасть в село с этой стороны, нужно было проехать по плотине мельницы и подняться на противоположную сторону долины.

По въезде в улицу села всматриваюсь в постройки и нахожу, что дома села немного лучше виденных по пути в деревнях; хотя брюшины вместо стекол в окнах нет, но есть два-три дома с «дымниками». Церковь деревянная, довольно старая, с отломанной колокольней, вероятно, для постройки новой, хотя поблизости лесных заготовок для того не видно.

На вопрос ямщика – куда везти? – затрудняюсь ответить, потому что о квартире для учителя сведений не имею, да таковой, вероятно, и нет, но нужно же где-нибудь приютиться, и говорю ямщику: вези к писарю. По указанию прохожего останавливаемся у одного из домов более лучшей постройки, вхожу и рекомендуюсь вышедшему лохматому, скуластому и курносому субъекту, который на мой вопрос о квартире довольно грубо ответил, что такая для учителя не устроена и у него для квартиранта нет места.

– У кого же, вы полагаете, можно остановиться? – спрашиваю.

– Поищи, может, кто и пустит, – был ответ. – А у меня места нет.

От писаря отправился к дьячку, но у того и самого тесно, куча ребят, затем к дьякону – то же, к тому, другому из крестьян, но у каждого одна жилая изба. Готов уже был прийти в отчаяние, но сообразил, что надо попытаться еще у священника, который, как мне было известно, и хлопотал перед земством об открытии в селе школы.

Остановились у старенького небольшого двухэтажного дома против церкви. Захожу в дверь нижнего этажа и застаю в кухне довольно полную молодую женщину, занятую стиркой белья, спрашиваю, дома ли батюшка.

– Его нет сейчас, в церкви, проходите.

– А матушка дома?

Она улыбнулась и говорит, что ее тоже нет, скоро придет.

– Но я с вещами, – говорю, – и не знаю где бы нанять квартирку, был уже кой у кого – не пускают. Я учитель, приехал служить.

– Да проходите же в комнату, а вещи, я скажу ямщику, чтоб занес сюда. Батюшка придет и квартирку, может быть, найдет. Слышала, он ждет уже учителя давненько.

Раздевшись, прохожу в комнату за кухней, где застаю мальчика лет восьми и девочку лет шести, занятых игрушками.

Ямщик занес мой багаж, состоявший из небольшого ящика с бельем и книгами и постельных принадлежностей – войлока, обшитого тиком, подушки и одеяла. Получив от меня земскую марку за

провоз, он выразил негодование по адресу негостеприимных верх-иньвенцев: «Ну и народ тут! Локасы! Фатеры-то «ученьшику» не припасли. То ли у нас в Щукине! Наши «ученьшики» в благодати живут. А народ-от какой! Всякой «ученьшику» любую камлать отдаст, потому – любят. Польза ведь. А тут, поди, и для школы-то места нету-ти, не видать што-то. Да ведь у вас, говорю, школа-то лет пятнадцать существует, а то и больше. Не мудрено, и народ-то свыкся, пользу грамоты понимает».

Женщина прекратила стирку, вымыла руки под рукомойником и поднесла ямщику кружку того же, по-видимому, напитка, что я пробовал в деревне, значит «сюр», но, очевидно, не так изготовленный, потому что ямщик, опорожнив кружку, сказал «спасибо», но добавил свое мнение: «Хоть не крепка бражка, да сладка». Уходя, обратившись ко мне, он сказал: «Ну, прошай, ученьшик. Учи уму-разуму нашего брата – пермяка».

Я вернулся в комнату и познакомился с детьми хозяев, которые довольно скоро со мной освоились, когда я принял участие в их игре.

Знакомство с хозяевами и выражение вопроса о квартире

В непродолжительном времени я услышал, что в кухню кто-то вошел твердою поступью, и я предположил, что это пришел сам хозяин. Действительно, перемолвившись о чем-то с находящейся там женщиной, в комнату быстро вошел человек среднего роста, крепкого сложения, с крупными чертами лица и богатой шевелюрой на голове, одетый в подрясник.

– Добро пожаловать, – приветствовал он меня громким басом, подавая руку. – Долгонько, долгонько что-то ехали. Я уже с месяц жду вас. Школу надо открывать.

– Не мог, батюшка, приехать раньше. Недавно только получил бумагу о своем назначении.

– Ну, хорошо, хорошо: успеем все сделать, время наше. Алексеевна! – обратился он в кухонную дверь, – чайку давай нам поскорей да закусочки. Молодой человек, наверное, проголодался в дороге-то.

– Сейчас, сейчас, самовар уже кипит, – слышался оттуда голос. – Переоденусь только.

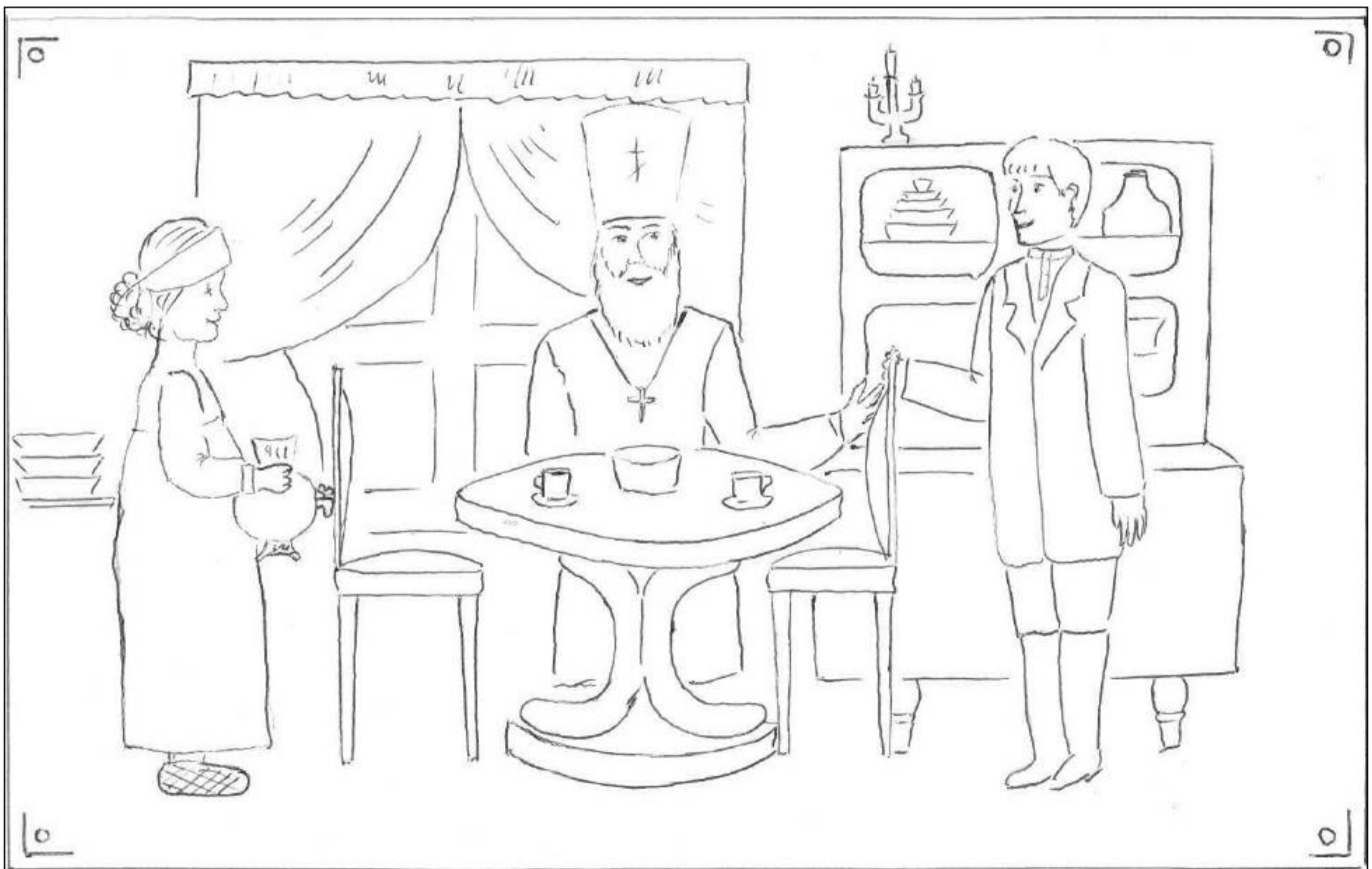
– А позвольте узнать ваше имя-отчество, – спросил батюшка. Называюсь.

– Да ведь и меня зовут Григорием, значит вы мне – тетка. Прошу, тетка, пожаловать наверх, попьем чайку да побеседуем.

Поднялись по узенькой крутой лесенке вверх, где оказалась, хотя маленькая, но чистенькая комнатка, обклеенная обоями, со старинной мебелью. Присаживаемся к столу, на котором уже расставлена чайная посуда.

Вскоре, неся кипящий самовар, вошла и та, виденная мною у корыта в кухне женщина, только переодевшаяся. Я догадываюсь, что это и была сама матушка, принятая мною за прислугу. Встал я, конфузливо здороваюсь.

– А ведь он меня, Серапионович, принял за прачку или кухарку, зашел и не поздоровался.

– Ха-ха-ха! – раскатился о. Григорий своим громогласным басом. – А и правда она у меня на все горазда: и хозяйка, и кухарка, и прачка

подчас, и коровница, птичница, даже бывает и учительницей. Одним словом – на все руки горазда, как говорят.

– Ну и понес ты, а сам-то только сегодня похож на попа, а то бывает, косы подвяжет, наденет зипунишко да навоз на поле таскает, либо рыболовом по горло в воде ходит с недоткой.

– У нас ведь, вот горе, – продолжал о.Григорий, – прислуги не найдешь, т.е. найти-то и можно, да ни на что непригодную, делать по-нашему ничего не умеют, да ленивы от природы, не скоро научишь. Хлеба испечь по-нашему не умеют и его по-своему наполовину с овсом пекут, но не по нужде, а по привычке. Пробовали: поживет иная в чистоте, едва порядку кой-какому научится, и потянет ее домой, в грязь непролазную. Только одного теперь «зонку» держу, хотя на посылки годится да по уходу за лошадкой и коровами; воды привезет – и то замена. Вот уж пятнадцатый год здесь маемся с попадъей, да ничего, было бы только здоровье.

– Однако и молодяжка же ты, – переменяв разговор и перейдя в обращении на «ты», продолжал о.Григорий. – Прошу извинения: говорю «ты», может, обидитесь.

– Что вы, что вы, батюшка, нисколько. Пожалуйста, продолжайте ко мне на «ты», а я из уважения к вам и вашим летам позволить себе этого не могу, тоже извините.

За довольно продолжительным чаепитием, а затем за завтраком о.Григорий расспрашивал меня о себе, о моей семье и учебе, рассказывал и о своем житье-бытье.

Тогда же порешили и вопрос о моей квартире: любезные хозяева предложили мне занять у них на верхнем этаже маленькую, но вполне для меня достаточную комнату и с полным пансионом, причем оба, на мой вопрос о размере платы, долго отказывались определить сумму, предоставляя мне же и назначить, что для меня было весьма затруднительно при ожидаемом бюджете моем в размере 16р. 66к. в месяц. Наконец, видя мое затруднение, батюшка назначил 5р. в месяц. Мне оставалось только благодарить.

– Ну, будет об этом: решено и подписано, – закончил разговор о квартире о. Григорий. – Теперь перейдем к делу. Когда откроем школу? Сегодня у нас четверг, завтра учет в волостном правлении, приедут старшина и сельские старосты. Отлично. Вот мы и объявим им, что в воскресенье будет открытие, чтоб посылали детей, а по селу оповестим сами. Завтра утречком мы сходим в помещение и кой-что подготовим. А теперь, тезка, давай устраивайся в своей квартире. После обеда прогуляемся по селу, и я кой с чем тебя познакомлю.

Школа

Поутру, напившись чаю, мы отправились осматривать помещение школы, находившееся на другом конце села.

Дорогою о. Григорий сообщил мне некоторые подробности, относящиеся к школьному делу.

– Вот что я скажу, – начал о. Григорий, – и, пожалуй, тебя, тетка, удивлю. Ведь школа-то у нас уже есть, и ребят в ней штук десять.

– Как же это так? – говорю.

– Да, да. Небось, удивил? А дело-то вот в чем. Я да один старичок-дьячок лет пять назад тому надумали в старом церковном доме устроить школу и в исполнение привели, да толку мало вышло. Ребят с десятков набрали, да так они у нас и до сих пор курса нашего окончить не могут. Студентами по возрасту выглядят; есть даже 18-ти лет. Вот ты и, поди!

– Почему же так?

– Да все дело в том, что времени-то у нас нет или мало. Летом нам свободнее, так школьникам некогда; зимой они свободны, так у нас опять время занято: службы, требы, сбор руги. А знаешь ли, тетка, что такое наш приход? Что значит, ехать с требой или за сбором? Ведь мука! Дорог нет, только тропинки. Езда больше верхом, лесами; верст за 30 отсюда есть деревни моего прихода. Поедешь с требой, так хорошо, что на вторые сутки вернешься, а за сбором – и неделями ездим, по очереди со вторым попом. У нас два причта. Ну вот, одну неделю, положим, едешь за сбором, а другую – служить, да с требами возят, то да се по хозяйству. На школу-то и не сходится времени. Товарищ не помогает в этом деле, да и не может, полубольной. Попадья моя пробовала, тоже – когда время, когда – нет. Дьячок посвободнее, но стар, и тоже служба да сборы. Вот школьники-то наши, бедные, ходят, ходят в школу без учителей, а

потом и ходить перестанут. А учить, учить надо! Ох, как надо! Ведь какая тут темнота, невежество! Ужас! По-русски не говорят, на своем изъясняются, да и наших-то детишек опермячили, и те зажаривают по-пермяцки. А язычок-то этот, как-никак, тебе, тетка, все-таки придется изучать, да и поскорее. Без него не обойдешься. Будут приводить в школу ребятишек ни бельмеса не знающих по-русски.

– Как же я буду изучать? Посоветуйте. Без руководства, думаю, трудно. Из-за незнания языка я хотел отказаться от этой школы, но раздумал: все равно ведь знающего этот язык учителя не найти, пока не выучит кровных пермячков. Думаю, что все-таки приналягу – одолею. А кой-что я уже заучил, едучи сюда со слов ямщика, обруселого пермяка.

– Неужели! Ну-ка что?

– А вот: вичку – значит церковь, попыс – священник, керку – дом, изба; пызан – стол, джек – стул, пон – собака, кань–кошка, инька – баба, ученьшик – учитель. Больше пока не знаю.

– Ого! Не ожидал. Молодец! Значит, нечего думать, дело пойдет скоро. Да у меня и книжки есть, ведь сам учил: словарь Рогова, грамматика его же. А в школу переводчиком из моих «студентов» определим. Чудесно!

За разговором незаметно прошли до конца небольшого села на односторонку. Дома все старые, хотя и без «дымников», но маленькие, иные уже разваливаются, крыши зарастают мхом, а у одного в желобьях выросли березки. Не спрашивая спутника, хочу угадать дом школы, но более или менее подходящего не вижу.

Наконец, подошли к последнему, такому же старому с прогнившими желобьями и ветхим крылечком.

– Вот и школа, будущая твоя аудитория, тезка! Выглядит неважно, но это временное помещение, может быть, только на одну зиму, а там вот, – пояснил о. Григорий, указывая на конец площади, – у проезжей дороги сложен лес, и есть уже срубы. Это для постройки здания волосного правления и школы. Дело это, значит, уже налажено. Строится на «кабацкие» деньги.

– Как вы сказали? Какие «кабацкие»? – недоумеваю.

– Да, да, после объясню.

Заходим в школу. Помещение всего из двух комнат, в одной половине дома (другая занята просвирней). В первой комнате, бывшей кухне, стоит, развалившись чуть не до половины ее, кухонная печь. Свету на обе комнаты – четыре окна; при осеннем пасмурном дне – темновато. Четыре ученических стола, представляющие собою только некоторое подобие парт; классная доска на стене, подвешенная за кольцо от дуги; табурет для учителя; худенький столик, полка для книг на стене, – вот и вся обстановка.

– Это и есть наша церковная школа со всем своим убожеством, – пояснил о. Григорий. – Теперь будет, конечно, не то: земство ведь побогаче нас с дьячком; в новом помещении заведем новые настоящие парты и все прочее, как следует. Но главное-то дело еще не в этом, а вот как наполнить детворой хотя бы это помещение? Приохотить-то народ к школе мы с дьячком не сумели, пожалуй, даже обратного достигли, можно сказать, со своим нескончаемым

курсом, с плохим результатом. Поведут ли ребят в школу добровольно? Сознания в пользу грамоты у этого народа пока нет. Если мы и могли завербовать с десятков ребят из семей более зажиточных, так только благодаря некоторому влиянию на прихожан, да и то, пожалуй, чуть не из милости пришлось просить.

– Но как же иначе, как не добровольно?

– Поживем – увидим, – уклонился от прямого ответа о. Григорий. – А только святое дело на этом не станет. Уж я поручкою в том... Прошу извинения, больше показывать у нас нечего: ни библиотек, ни музеев, ни физических кабинетов, как видишь, не имеем. А потому двинемся. Я тут заверну на минутку в волость, к писарю, сказать ему, чтобы завтра зашел ко мне старшина, да и он чтобы сделал что-нибудь для нашего торжества в воскресенье, т.е. открытия училища. Писарь-то мой крестник, еще будучи семинаристом я принимал его от купели, пермяк чистокровный и, упрям и ослушается иногда, зазнается, ставши писарем, забывает, что многим мне обязан. А ты, тетка, иди домой. Попадья чай собирает. Уж и обед. Я сейчас, скажи ей. На пороге к делу (открытие земского училища).

В воскресенье, после обедни, после исправления некоторых церковных треб, придя домой, о. Григорий одел свою лучшую темно-малиновую шелковую рясу, и мы отправились в помещение школы, где накануне при участии матушки были сделаны кой-какие приготовления для предстоящего торжества: вымыты полы, принесены стулья и пара столов, покрытых белыми скатертями; появился самовар, чайная посуда, закуски.

Я ожидал встретить в нашем маленьком помещении давку, рассчитывая, что, после сделанной через волостное правление публикации, явится много любопытных и заинтересованных, по крайней мере, из жителей села, в особенности в воскресный не рабочий день, но, придя, убедился, что опасения давки не имели основания. Явились только обязательные члены причта – дьякон, старый, убеленный сединами дьячок (бывший учитель церковной школы); пять-шесть учеников, но в возрасте, пожалуй, студентов, лет 16–18; три морных, как мне показалось, невзрачных мужичка, длинный сухой субъект (как выяснилось потом, в будущем, кабатчик), три неизвестные женщины, матушка о. Григория с маленькою дочкою; четыре мальчика школьного возраста, одетых не по-крестьянски. Последним зашел «интеллигент» в сером с ворсом коротком пальто, которое и не снимал до конца молебна. Вот и вся публика.

О. Григорий представил меня «интеллигенту», который оказался графским лесным смотрителем (в волости были леса графа Строганова), трем дамам и подошел со мною к одному из трех маленьких мужичков-инородцев, говоря: «Вот, старшина, к нам послан земством и учитель». Старшина молча подал мозолистую руку. Скуластая, узкоглазая его физиономия, с жидкою растительностью, была деревянною, безучастною ко всему окружающему. После этого представления начальник волости порылся в кармане своей синей свитки и вытащил почерневший знак старшины, который и надел.

О. Григорий подошел к столу, покрытому белой скатертью с разложенными на ней ризами и принадлежностями молебна и,

повернувшись к присутствующим, сказал слово о важном значении открываемого учреждения в местности, упомянул о значении и функциях земства, роли которого еще тогда многие и не знали, и закончил речь призывом на посильную помощь этому нарождающемуся благу делу.

По окончании молебна о. Григорий поздравил всех с открытием земского училища, а матушка предложила всем чай, после которого, по русскому обычаю, пирог и др. закуску. Старшина и два мужичка пить чай отказались (они пьют только бражку), но предусмотрительная матушка поставила им бурачок бражки, забрав который и части пирога, они удалились в другую комнату. Заглянув туда, я заметил, что они берут рыбу из пирога прямо руками, и принес им вилки, но они замотали головами, говоря что-то по-своему. Псаломщик объяснил мне, что вилки у редких пермяков в употреблении.

Великовозрастных учеников церковной школы тогда же записали в ученики новой школы (в какую группу – решение отложили на завтра, когда будет начало занятий, и будут выявлены их знания). Попадья второго священника, бывшая в числе трех дам, попросила записать ее сына. Примеру ее последовали дьякон, псаломщик и кабатчик. Таким образом, составилась комплект всего в 10 человек.

Первый день в школе

В 8 часов утра, когда я собрался уже идти в школу, о.Григорий зашел в мою комнату и предложил мне идти вместе.

Пришли. Все 10 записанных вчера в число учеников новой школы оказались налицо и при нашем входе уселись по местам. Батюшка велел одному из «студентов» читать молитву перед учением. Тот прочел, но с своеобразным произношением, употребляя вместо «г» – «к», вместо «л» – «в», вместо «х» – «к»; получилось: преобвакий косподи, ниспошли нам бвагодать дука ... и т.д.

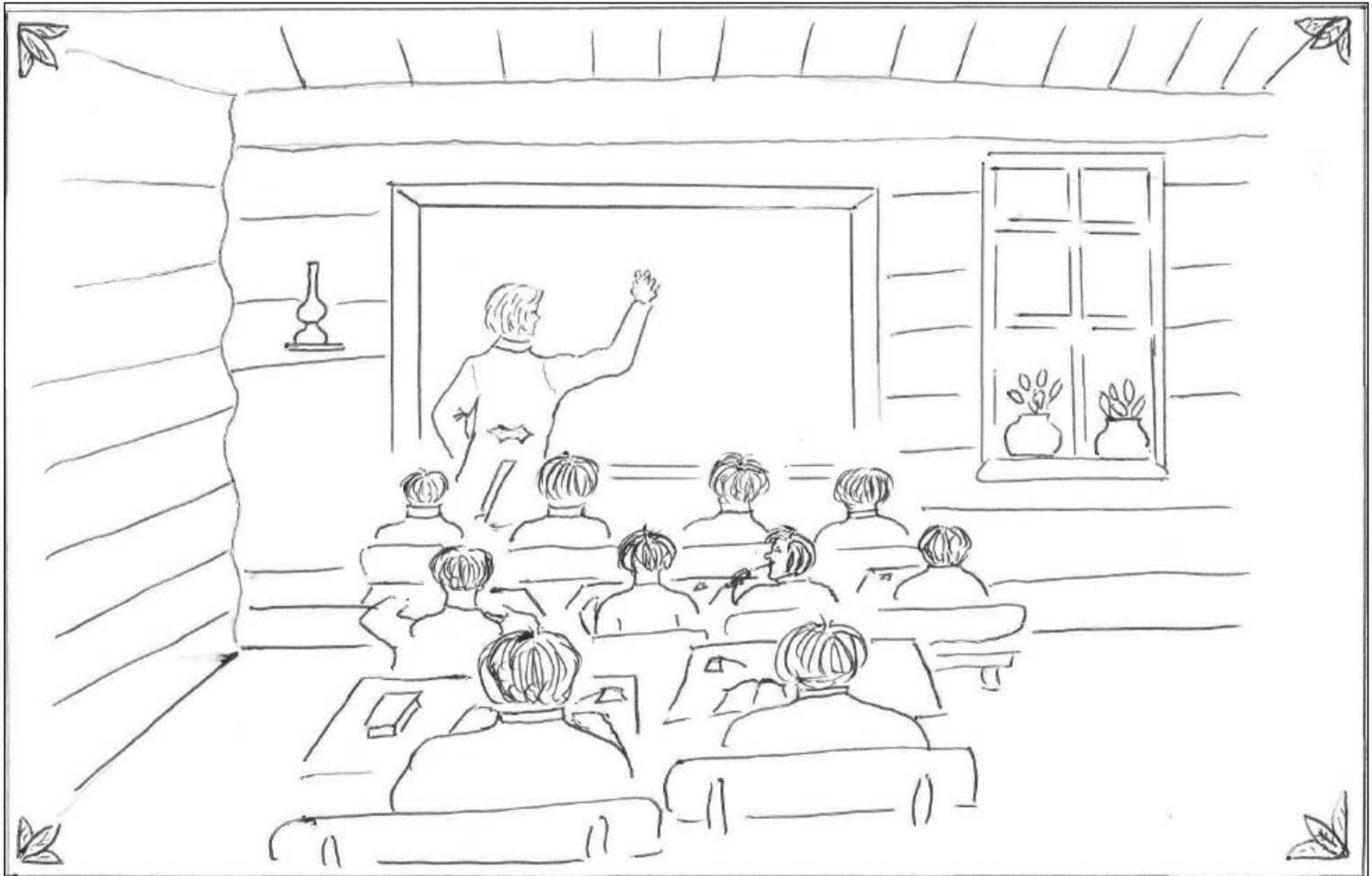
Когда по окончании молитвы ученики сели, о.Григорий сообщил мне, что, сколько он ни бился, чтоб достичь правильного произношения молитв, сделать почти ничего не мог, потому что в языке иньвенских пермяков совсем нет звуков «х», «л», «ф» и «ц». Эти звуки являются для них новыми, непривычными и не поддаются усвоению.

Для подразделения учеников на группы начали испытания в знаниях «студентов», причем о.Григорий заявил, что по его предмету можно не спрашивать, знания каждого из них ему известны, а по другим предметам предоставил спрашивать мне.

Вызываю по списку: «Мефодий Порсев, иди-ка сюда».

Неторопливо подымается с места светло-русый парень лет 16, одетый в грязный зипун и лычные лапти, и с развалкою подходит к столу. Даю ему прочесть статью из «Родного Слова». Читает не бойко, задумывается перед некоторыми словами, монотонно и с акцентом.

Рассказал прочитанное при помощи вопросов. Под диктант написал порядочно и странно! – редко ошибался в тех буквах, которые произносил неправильно. По арифметике усвоены все четыре действия над простыми числами, чисто механически; знает нумерацию до миллиона.

- А как он по вашему предмету, батюшка?
- Удовлетворительно. По-моему, в третье отделение годен будет. Соглашаюсь, и записываем Порсева в третью группу.

Еще двое из «студентов» оказались почти с такими же знаниями, и только четвертый, Федор Шипицын, 18 лет, выделялся большими знаниями и обладал довольно чистым русским языком (дед его, как оказалось, был переселенцем из местности с русским населением). Этот избран был нами в переводчики. О пятом,

оказавшемся слабее всех и тупее, вышел спор: о. Григорий настаивал о помещении его, за великовозрастием, тоже в третью группу, иначе могут-де сказать, его не отдать; я же настоял на зачислении в среднюю, т.е. вторую группу.

Оставили пока во второй.

Так сформировали старшую группу на четырех учеников.

Прошел час, сделали перемену.

Я раздал старшим бумагу и принадлежности письма и дал самостоятельное задание – списывание с книги.

Приступили к формированию второй и первой групп из числа новичков, причем оказалось, что двое из русских (дети духовенства) умеют уже читать и писать, и поэтому зачислили их во вторую группу, а остальных неграмотных – в первую.

Чтоб более ознакомиться с своими питомцами, с последними я повел беседу, расспрашивал их о составе семьи, о занятиях и т.д., в то время как о. Григорий занимался со старшими.

В 2 часа закончили наш первый учебный день.

Пермяк

На второй день занятий в школу привели новичка. В школу ввалился низкорослый типичный пермяк, таща за собою пузатого, нечесаного и грязного малыша.

– Не ты ли земский ученьщик? – обратился ко мне пермяк.

– Да, я – учитель.

– Дак вот, бери моего зонку да учи, штобы, значит, русску грамоту знал, потому на надобно марки* читать, да чёт штобы знал. Да хорошенько ево понужай, штобы свушався.

– Ладно, ладно, будет учить, запишем. Как звать?

– Ево-то али ково?

– Его, мальчика твоего.

– Так бы и сказав, а то почем знать. Меным дак – свинья – порсь, а зонку поп назвал Пендором.

Спрашиваю своего переводчика, как записать.

– Он говорит, что его фамилия Порсев (порсь – свинья), а сына зовут Федором. Он земский ямщик, – пояснил мой переводчик.

---

* *Марки – земские билеты на взимание лошадей на станции.*

– Да, да, земский, земский. Свышав, земство шкову скрывает, нас, значит, учить; пошов – потому земской, не можно; оштрафуют, пожавуй.

Порсев заметно был под хмельком от утреннего приема хмельного «сюра», говоря, развязно разгуливал по классу; имел привычку кстати и некстати вставлять в речь корень своей фамилии, как поговорку, присловье.

– Хорошо. Я записал твоего сына. А звание как? Крестьянин, ведь, здешней волости? Это тоже надо записать.

– А на што тебе? Сказав, свинья-порсь, земской ямщик.

– Да землю-то пашешь, надел есть?

– Землю? Пошто мне пакать! Ребята пашут; меным вошадем правлю, пошту ташшу, мировова вожу.

– Ну, значит, крестьянин все-таки, коли земля есть, и дети пашут. Сколько ему лет?

– Какьямыс – восемь, восемь.

Усаживаю мальчика на свободное место парты.

– А ён, свинья-порсь, русской свово пвоко знат.

– Научим, на то и школа.

– Ну, ну! А брагу, «сюр» пьешь?

– Нет, не пью.

– Самовар у нас на станце есть. Закоди когда, закоди. Ну, прошай, ученьшик! Прошай, может, набовтав што. Выпив мавось бражку, свинья-порсь.

По уходу Порсева подсаживаюсь к новичку, первому маленькому «подлиповцу», который как-то съезжился и готов был расплакаться, и начинаю с ним заговаривать, но безрезультатно.

– Он не знает по-русски, – объяснил переводчик.

– Так переводи ему, что я буду говорить. Где их дом?

– Кытэн тэ керку?

Мальчик замялся и, отвернувшись от нас, глядя в пол, ответил по-пермяцки, что на окраине села, над прудом и, продолжая отвечать на наши вопросы, в конце концов, несколько оживился.

«Завербовал!»

Прошла неделя. Все свободное время посвящал изучению пермяцкого языка по словарю и грамматике Рогова и практически: в школе при посредстве переводчика и дома, ведя разговор с понимающим по-русски «зонкою», в часы его досуга.

За исключением принятого в школу новичка Порсева, на неделе не привели ни одного. Я начал уже беспокоиться за дальнейшую судьбу школы и высказывал о.Григорию опасение, что, если не наберем учеников хотя до двух десятков, то, пожалуй, и закроют школу. В сущности можно считать в нашей школе только одного настоящего школьника-пермяка – это Порсева, а «студенты» и русские – элемент в данном случае второстепенный.

Школа открыта земством собственно для пермяков, для их просвещения.

– Я понимаю прекрасно это, – говорил о.Григорий, – но надо еще иметь немножко терпения, денька на три-четыре, а там увидим. Я ведь

тоже, хотя не говорил, но думал об этом: вдруг да не поведут в школу, ведь они не понимают еще надобности в ней. Дождаться, когда поймут, пройдет немало времени, да и то, если уж что-нибудь особенное заставит их, какое-нибудь обстоятельство приведет к сознанию пользы грамоты. Ямщик Порсев хотя привел сына добровольно, но на самом деле им руководил расчет, как он сам говорил. А что до закрытия школы касается – не может этого быть; не будет, уверяю, потому что школьники у нас будут. Не печалься, тезка, только обожди. Вот я сегодня еще схожу в волость, а там увидим.

– Что же вы намерены предпринять? – спрашиваю.

– Не скажу пока, но какой-то сделаю, – как-то загадочно улыбаясь, ответил он. – Я о школе хлопотал, достиг – открыли и вдруг этакий скандал – нет учеников! Нет, шалишь, пока жив, не допущу срама на свою голову.

После этого разговора прошло дня четыре; новичков не приводили. Вечером на четвертый день о. Григорий говорит: «Завтра поеду по приходу дня на три. Ты, тезка, без меня устрой вот что: пусть «зонка» возьмет из кухни висячую лампу да бутылку керосина и отнесет в школу, а ты повесь ее к потолку в первой комнате, еще пусть отнесет две большие деревянные чашки, да с десяток деревянных ложек; у попадьи в запасе есть».

Что такое, – думаю. – Что он придумал?

– А сторожу Фролу скажи, – продолжал о. Григорий, – чтоб он спал в школе, а не дома. Ну, пока больше ничего. Озадачил? А?

– Как же, ничего не пойму.

– Ха, ха, ха! – раскатился он над моим недоумением и развеселил, как всегда.

На завтра рано утром он уехал в приход.

Прошло три дня. Сижу я под вечер в своей комнате и зубрю словарь. Вдруг матушка из соседней комнаты говорит: «Григорий Александрович, к вам школьный сторож пришел, там внизу, в кухне». Иду.

– Что случилось?

– Да што! Батько тебя в школу зовет.

– Какой батько?

– Батько Григорей звав. Ён тамо приехав.

– Так зачем не домой, не сюда?

– Сказывать не велев. Ступай, он ждет.

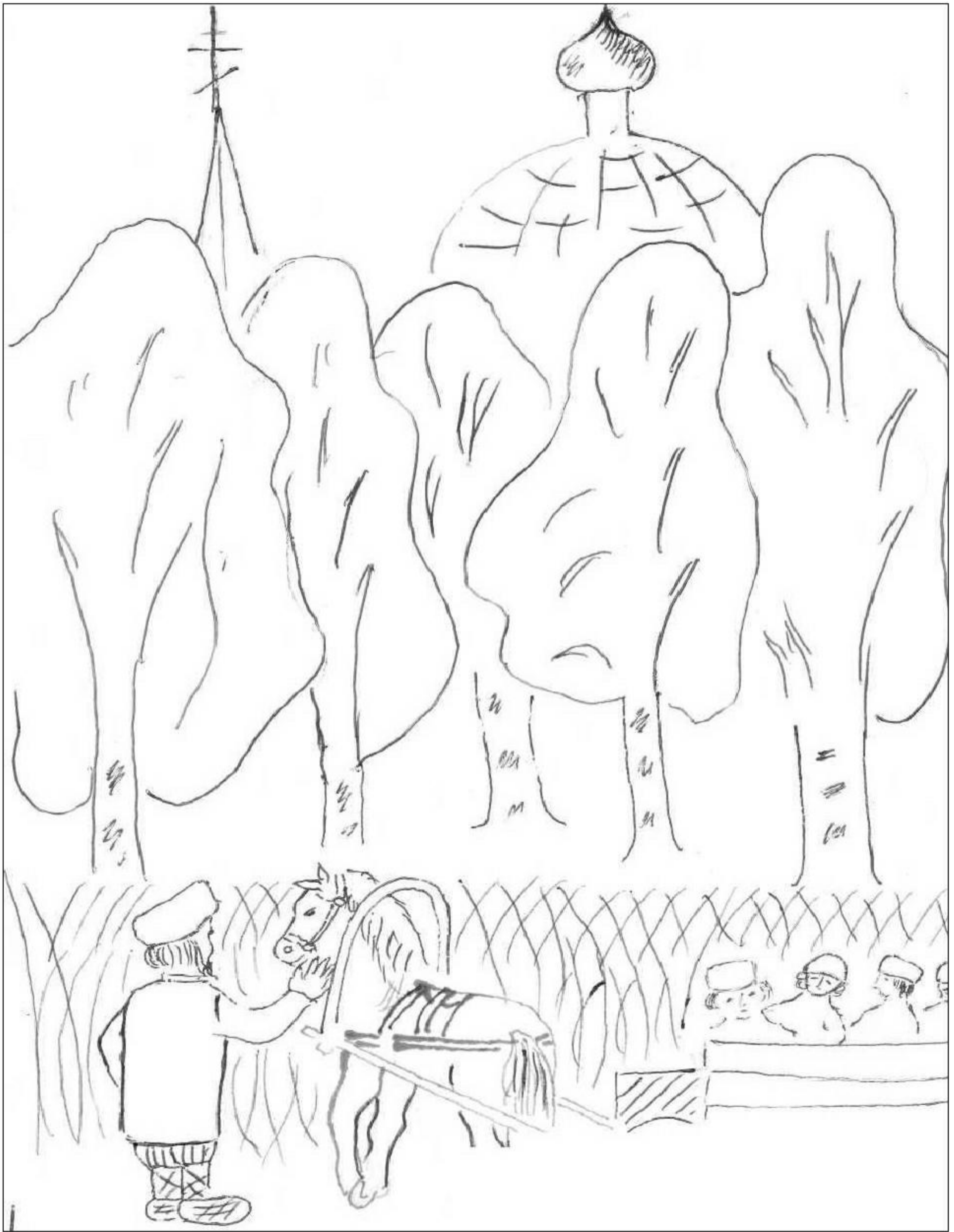
Нечего делать, пошел со сторожем, хотел дорогою что-нибудь узнать от сторожа, а он зарядил свое: «не велев сказывать» и только.

Кой-где уже огни зажгли в домах. Подхожу к школе и что же вижу? Школа освещена; слышатся детские голоса и звучный бас о.Григория. У калитки стоит одна лошадь с большим коробом на санях, а другая, Савраска о.Григория, с легкою плетушкою.

О.Григорий встречает меня со смехом.

– Здравствуйте, господин ученьшик! Имею честь представить на предмет просвещения полдюжины «подлиповцев».

Вижу, действительно штук шесть ребятишек, маленьких, лохматых, в домодельных шабурах, съездившихся при виде меня.

– Где же вы взяли их?

– Где? Да зачем же я ездил? Завербовал! Как в солдаты завербовал! Видел на улице угольный короб? В нем и привез. Сказал, что срама не потерплю, не будет школа без учеников, а что и как сделал – сейчас объясню. Ходил я тогда, помнишь, в волостное. Я выбрал там из посемейных список детей школьного возраста из более многочисленных и знакомых мне семей да и поехал уговаривать родителей отдать в школу по экземпляру от семьи. Они меня, надо сказать, вообще слушаются, знают, что худого не посоветую. Но все-таки упирались было, ломались: на что нам, к чему грамота, всех писарями не сделаешь, да и «бороноволока» надо дома. Убедил тем, что когда бороноволока надо будет домой – отпустим. Отсрочку стали, было, просить, хотя бы до воскресенья, «поедем в село – привезем», говорят. Нет, шалишь, не проведешь. А давай-ка, мол, собирай. Непетька или там Архиноска, да хлеба, луку, картошки, гороху, репы ему в мешок, чтоб хватило на неделю. Бабы, было, хныкать начали, – унял. Насобирали их вон с Еремой в угольный короб и привезли, как видишь. Доволен? Теперь, значит, у нас будет сколько? Семнадцать?

– Да, семнадцать. Вижу, что дело теперь пойдет, благодарю вас.

– Не беспокойся, еще будут, – добавил о. Григорий. Не мытьем, так катаньем.

Тут обратился он к ребятам, говоря по-пермяцки, и они начали раздеваться.

– Фрол, топи печку, – сказал он сторожу, все время стоявшему с разинутым ртом и глупо улыбавшемуся. – А потом помоги ребятам картошки испечь, пусть закусят. Да не закрой печку рано, чтобы угара не было, а потом уложи спать. А мы пойдем восвояси. Надо чайком погреться, прозяб я что-то.

– Как видишь, у нас школа-то будет «не хухлы-мухлы», а сразу с пансионом, – говорил дорогою о. Григорий, когда мы на его Савраске ехали от школы до его дома. – Я так и думал. Деревни здесь разбросаны по лесам, есть и за 30 верст от села. Значит, деревенские ребята должны жить в селе в учебное время на квартирах, а надо за ними смотреть, наблюдать, что будет неудобно.

– Совершенно с вами согласен, конечно, и по этому поводу имею с вами сегодня за чайком поболтать.

– Ага! Должно быть, и ты с проектами? Дела! Ум хорошо, два – еще лучше, ну, а три, по-моему, не всегда хорошо: один непременно путает иногда.

Тем временем доехали и передали выпрягать Савраску «зонке».

Общежитие

Когда прозябший в дороге о. Григорий за семейным чайком несколько оправился, я начал излагать ему свои проекты, и мы повели приблизительно такой разговор.

– Мне кажется, что мы не должны ограничиваться одним предоставлением ребятам бесплатной квартиры, или, так сказать, одной изоляцией их от среды. Во-первых, оставлять без надзора, с одним только сторожем, их нельзя. Во-вторых, наше общежитие может явиться средством, пожалуй, более воспитательным, чем одна учеба. Здесь я вас ничем не озабочу: у вас и так мало свободного времени. Это дело всецело мое. Думаю я делать так: все свободное время дня, после школы и обеда, я буду проводить в общежитии. Нужно заполнять с пользой свободное время ребят, устроить какие-нибудь занятия, игры. Между прочим, за приготовлением пищи надо наблюдать. Тут дел будет, конечно, немало, но иначе нельзя.

– Дело! Вот молодец-то! – прервал меня о. Григорий. – Да ведь, это самопожертвование, брат, тезка!

– Полно вам громкие-то слова говорить, ведь вы же человек дела, а не слов, как я вижу по всему.

– Не зарвись только, тезка. Здоровье-то надо беречь.

– Не беспокойтесь обо мне, батюшка, разве тут не будет и для меня полезных занятий и умственных, и физических. Среди ребят я скорее и язык их изучу. Сами будем колоть дрова, снег убирать зимой, а впоследствии и ремесло какое-нибудь придумаем.

– Да что ты? Что ты? Мои сокровенные мысли предвосхитил! Не продолжай, по крайней мере, а то на мою долю ничего не останется.

– Останется и на Вашу, не беспокойтесь, например, хозяйственная часть, по обстановке помещения. На первый раз нужно завести рукомойку, ведро или два хотя, два полотенца, мыло, устроить нары.

В разговор наш вмешалась и матушка.

– А вы, Григорий Александрович, о рукомойнике, ведрах, полотенцах не хлопчите. Это уж мне предоставьте. Завтра же все сделаю.

– Bravo, bravo! – воскликнул о.Григорий. – Нашему полку прибыло!

– Да что же, чем хуже других. Чем могу и я помогу. Я могу взять на себя изготовлять для ребят питье – бражку, ведь по ней затоскуют; без хмеля, конечно.

– Спасибо, матушка, за участие. Это очень хорошо. Однако я думаю пора отправиться посмотреть на наших пансионеров, кой-что поделаться да при себе и спать уложить.

– Идем вместе, – заявил батюшка.

– И я с вами, – произнесла Анна Алексеевна, – только я сейчас же приступлю к своей работе. «Зонка» принесет рукомойник и ведро, а я остальное. Минутку обождите.

– Я думаю за одним бы ребят подстричь. Уж очень они лохматы.

– Ни, ни, ни! – возразил батюшка, – нельзя сразу. Мы запугаем, да и неприятность наживем: пермяки не стригут низко волосы и русских дразнят кличкою – «ширем юр». В кружок обровнять еще можно.

Вскоре мы отправились по направлению к школе, спотыкаясь в потемках за могильные холмики и попадая в неглубокие, осевшие ямы-могилы.

Шествие завершал «зонка», несший рукомойник, ведро и деревянную шайку.

Первая неприятность

Недели через две после открытия общежития наша школа имела уже достаточный для первого года комплект учеников в числе 30 человек, из которых половина помещалась в общежитии. Второй и третий транспорты ребят из деревень были также набербованы и прибыли в сопровождении отцов и сельских старост. Вербовку дальше прекратили, чтоб начать обучение новичков русской грамоте. Новички из деревень совершенно не знали русского языка.

К этому времени я кое-что усвоил из разговорной речи на пермяцком языке и в некоторых случаях мог обходиться без переводчика.

Как в школе во время занятий с новичками, так и в общежитии изучение русского языка я начинал с названий окружающих предметов.

Указывая на стол, спрашивал: сыя мый? (это что?) – Отвечают: пызан. Рочен баитны (по-русски говорить): стол. – А сыя мый? – Джек. Рочен баитны: стул и т.д. От названий окружающих

предметов переходили к изображенным на картинках, которые выбирал из журналов с иллюстрациями у о. Григория, или рисовал на классной доске. Труднее было изучать глаголы и прочие части речи.

Алфавит русских букв проходили по Бунакову.

В то время снегу еще не было; дневные оттепели чередовались с ночными заморозками.

Все ученики-пермяки обуты были в лапти, на которых и приносили с улицы много грязи. В помещении школы стало грязно и пыльно, необходимо было вымыть полы. О. Григорий сообщил мне как-то, что мытье полов по договору с земством лежит на обязанности волостного правления, поэтому я послал сторожа в волостное правление, прося вымыть полы в первую же субботу. Сторож вернулся с ответом писаря, что они сами про то знают и когда надумают тогда и вымоют.

Не удовлетворившись таким ответом и предположив, что сторож передал не так, отправляюсь сам в волостное правление, где застаю одного писаря (старшина был деревенский и приезжал в село только раз в неделю).

– Здравствуйте, Николай Федорович, – обращаюсь к нему.

Он, не глядя на меня, едва подал руку и продолжал что-то писать.

– Я посылал сторожа с просьбой к вам сделать распоряжение вымыть полы в школе. Должно быть, он не так мне передал ваш ответ, что сами знаете, когда нужно вымыть. У нас ужасно грязно и пыльно.

– Да, он верно сказал. Когда придет время, тогда и вымоют, а не тогда, когда вы захотели.

– Тут необходимость: у нас живут дети целый день; ведь тут же общежитие.

– До этого мне дела нет, – не отрываясь писать, сказал писарь.

– Так кому же дело? Ведь по договору с земством обязано это сделать волостное правление, насколько мне известно.

– Ну, хотя и обязано, – кладя перо и повернувшись ко мне, произнес писарь, – из этого еще ничего не следует, потому что в договоре время мытья не указано, значит, от нас и зависит, когда надумаем. У нас это повинность натуральная. Надо сделать наряд, кому очередь, а это делает старшина или староста.

– Так, значит, вы не можете помочь в этом деле?

– Не могу, не старшина.

Мне было уже известно, что старшина был неграмотный пермяк, и писарь Сысолетин делал все что хотел, бесконтрольно, и собственно он управлял волостью.

– Как же быть? – говорю.

– Ваше дело. Как знаете, г. учитель.

В этот день пришел я после занятий на квартиру в беспокойном состоянии духа, что сразу заметил о. Григорий, и я рассказал ему о причине.

– Да что это он, осел, делает? Доберусь я до него. Пойду сам.

Наскоро одевшись в свой меховой подрясник, о. Григорий пошагал быстро в волость. Вернулся он взволнованным.

– Знаешь что? Это ни на что не похоже! А еще крестник мой! Говорит: дело не мое, на то старшина. А разве я не знаю, что он

правит в волости, а не старшина. Да как я пугнул его мировым посредником – другое запел. Старосты нет сегодня, – говорит, – надо старосту спросить, чья очередь. Я говорю: знать ничего не хочу, а чтобы завтра же было вымыто. Найду кого-нибудь, может, и вымоем, – говорит под конец. Посмотрим завтра. Ведь вот какая гнида! Все у нас пошло ладно, а тут не из тучи гром, а из навозной кучи.

Дезертир

Хотя не в первую субботу, но на следующей неделе в школе было вымыто, и мы могли свободнее дышать. Ночные заморозки участились, грязь начала замерзать, выпал снег, и наши школяры не заносили уже на лаптях грязи.

Занятия шли своим чередом. С младшею группою мы, хотя медленно, но продвигались в изучении русского языка и алфавита.

Из всей группы малышей-пермячков только один выделялся своей особенной тупостью и упрямством. Молчал на предлагаемые ему на его же языке вопросы, смотрел в сторону, когда с ним говорил я или переводчик, был всегда угрюм и не общался даже с товарищами, которые вполне освоились, и отношения у нас установились очень хорошие. Я говорил об этом субъекте с о. Григорием, но он не придавал значения странностям Помки (Фомы), говорил, что он обживется и исправится со временем. Я думал, не болен ли он, хотя наружных признаков болезни не было.

Но вскоре все разъяснилось.

Просыпаюсь я как-то утром на квартире, и мне сообщают, что меня ждет внизу школьный сторож. Наскоро одеваюсь, предчувствуя, что случилось что-то необыкновенное, так как сторож у нас отлучался из школы только во время наших занятий, да когда я находился в общежитии, т.е. в той же школе, во внеклассное время.

– Что случилось?– спрашиваю Фрола.

– Да Пома потерялся, пропав, вот што!

– Как потерялся, пропал? Что ты говоришь?

– Право не знаю как! Поутру зонки встали, а его уж нету! Квятились, и котомки нету. Убежав, как есть убежав.

– Куда же он мог бежать?

– Куда? Известно, домой, тосковав ведь все.

– Что случилось? – спросил вошедший в кухню умываться о.Григорий.

Я объяснил.

– Конечно, убежал домой. Ну, да пусть, не жалко, тупой уж очень. Но дело-то может быть скверно. А вдруг да по дороге замерзнет! Бежать ему до дому верст пятнадцать. Зонка, а зонка! – высунувшись в дверь сеней закричал о.Григорий, но не дождавшись отклика, повернулся к сторожу. – Фрол, иди, найди моего зонку да вели ему лошадь запрягать в плетушку. Сейчас чтобы, живо!

– Что вы хотите делать? – спрашиваю.

– Догнать, вот что. Боюсь, в самом деле, не замерз бы. Может и заплутать.

– А потом, если догоните и он жив?

– Домой отвезу, к отцу. Пусть и будет сыном мрака, коли не хочет света. Нам таких не надо. Перепоили, надо полагать, хмельной бражкой.

О.Григорий скоро уехал, а я отправился на занятия.

– Дядья, дядья! Помка-то гортя бежав! – сообщили мне ребята, как только я зашел в школу.

Школьники-пермяки называли меня дядей, вероятно, им было труднее называть по имени и отчеству, да в их среде это и не принято. Взрослых называют только по имени, а с прибавлением отчества – только стариков.

Смотря на пермяков, и русские школьники называли меня «Дяденькой».

Меня сильно заботило бегство Фомки, и мысль об этом не давала мне покоя. С думою о нем я шел на квартиру после занятий, но во дворе стояла уже лошадь о.Григория, покрытая попоной, из-под которой валил пар в морозном воздухе.

– Нашел-таки Помку! – встретил меня о.Григорий. – Отбежал он от села уже верст пять. Настиг я его, а он как увидел меня, испугался, едва усадил его в сани. Тогда только успокоился, когда увидел, что я не поворачиваю лошадь, еду вперед. Отец, конечно, и не поворчал на сына за побег. Видимо, был доволен, что сын вернулся из «солдатчины». Думал я вместо Фомки другого привезти, да пока раздумал. А другие-то у нас не побегут?

– Не думаю, с этими у нас уже дружба завязалась.

– То-то же. Я им пряничков принесу, пусть полакомятся, дома не видають ведь.

Старшина

Как-то во время занятий, за стеною первой комнаты школы раздался сильный стук, как бы от падения на землю тяжелых предметов. Я послал сторожа узнать: что там такое произошло. Вернувшись, он объяснил: что с крыши свалился гнилой желоб, а за ним полетели наземь и доски и завалили крылечко, так что трудно по нему пройти. Я вышел осмотреть, и действительно крылечко оказалось почти сплошь завалено обломками гнилого желоба, с которым упали и красовавшиеся, выросшие на нем, березки, а доски кровли сползли за желобом и частью переломались, частью стояли торчком. Сторож начал разбирать, освобождая проход. В это время бушевала снежная вьюга, и образовавшееся отверстие в крыше начало заносить снегом.

Окончив занятия, я отправился в волостное правление заявить о происшествии и просить произвести ремонт. Старшина был в это время тут, был учетный день, когда съезжались в село и сельские старосты.

При входе в присутствие, я увидел старшину, сидящего задом к двери за столом.

– Здравствуйте, г. старшина!

– Здорово, ученьшик! – промолвил он, едва поворачивши голову в мою сторону. – Што скажешь?

– В школе у нас неисправность, – объясняю ему цель моего прихода, – упал желоб с крыши, и доски сползли на землю: надо бы как-то заделать. Чердак заносит снегом.

– Не видеv, не паво! – возразил мне старшина.

– Так осмотрите сами, коли мне не верите.

– А пошто нам править? Дом-то церковный, пусть церква и правит.

– Если вы отказываетесь, то я обращусь и в церковь, к о.Григорию, но ведь ремонт помещения школы, насколько мне известно, волость обязывалась производить.

– Видишь ли, г.учитель, – вмешался в разговор наш писарь, – хотя волость и обязывалась перед земством да только тогда, когда помещение будет общественное, извините. И мыть полы в этом помещении волость собственно не обязана.

– Так и на мытье полов нельзя рассчитывать?

– Да, пока не будет школы в нашем здании.

– Верно, верно, – добавил старшина.

– Может быть, и жалованье выдавать мне не будете?

– Жалованье? – старшина вопросительно смотрел на писаря, с которым очевидно по этому вопросу не сталкивался.

– Жалованье платить будем, – ответил за него писарь, – когда будут деньги, а теперь нет, не собраны.

Так я ни с чем и ушел.

О.Григорий хотел было тотчас же бежать в волость, как он говорил, «ругаться», но затем передумал, отложив это дело до приезда мирового посредника, который был избран земством попечителем нашего училища, и порешил исправить повреждение здания счетом церкви.

Вообще волостное правление к земской школе было не расположено и в лице своих представителей, главным образом писаря, старалось даже противодействовать в некоторых случаях.

Писарь

Полы школы не мылись уже более месяца. Помещение уже загрязнилось на столько, что некрашеный деревянный пол представлялся совершенно черным, как асфальт, и скользим от попадающей на лаптях с улицы грязи и снега. При постоянном пребывании в помещении пансионеров грязи скоплялось, конечно, еще больше. При высыхании пыль заполняла воздух.

Уверяясь на словах о.Григория, что мытье полов лежит на обязанности волостного правления, неоднократно посылал сторожа напомнить об этой нужде, но безуспешно.

Наконец решился обратиться официально, письменно, с той целью, чтоб остался, так сказать, след просьбы на случай принесения жалобы начальству, о чем и предупреждал, т.к. что если в

этот раз просьба удовлетворена не будет, то училище вынуждено будет сообщить об этом начальству.

Спустя некоторое время в училище во время занятий ввалился сотский, с бляхой на зипуне, и подал мне разносную книгу волостного правления, в которой оказалась бумага, адресованная на меня.

Расписался в получении, сотский ушел.

Содержание бумаги было буквально таково:

«Учителю Верх-Иньвенского училища.

Волостное Правление предупреждается?

Разве вы, г.учитель, начальник какой так писать?

Волостное Правление не может во всякое время исполнять мытье полов в училище, а если и сделал это на первый раз, то больше не будет, а вымоет только разве, когда у себя будет мыть. Повинность эта натуральная. А за допущение в бумаге слова «предупреждаю» ответить на сем же и указать статью закона по слову предупреждения».

Таким образом, писарь нашел повод придраться к допущенному мною в бумаге слову «предупреждаю», понимая в смысле начальственных «предписываю», «предлагаю».

Вскоре снова явился сотский.

– Разве еще что нужно? – спрашиваю.

– А писарь велел бумагу назад давать.

– Скажи, что бумаги назад не возвращаются и больше ничего.

Ответа не будет.

На квартиру пришел я довольно расстроенным, что тотчас же и заметил о.Григорий. Вместо ответа на его вопрос о причине – подаю полученную бумагу. К удивлению моему, прочитавши бумагу, он расхохотался.

– Да, ха, ха! Вот так шутка! Попался, попался, голубчик!

Чему он смеется, недоумеваю.

– Кто «попался»? – спрашиваю.

– Да писарь-то наш. Теперь кончено, каждую неделю будут мыть! Ведь он бумагу-то назад просил, может, и сознает, что написал неладно, хотел только задеть, пожалуй, оскорбить и больше ничего. Но не на тех напал. Вот посмотри, тетка, как он будет за нами ухаживать, только я схожу к нему да скажу два-три слова.

О.Григорий как человек энергичный, имел обыкновение приводить в исполнение задуманное, не откладывая.

Вернувшись от писаря, он окончательно меня успокоил и даже развеселил.

– Чуть дурак ему в лицо не сказал! Что ты наделал? – говорю. – Зачем этакую умную бумагу выпустил? А теперь, если вы со старшиной не нарядите поломоек в школу, бумага целиком пойдет к мировому посреднику – попечителю. Как, мол, ты думаешь, похвалит он тебя? – Писарь мой туда-сюда: нельзя ли, – просит, – крестный, выручить мне назад бумагу от учителя. Нет, говорю, нельзя, но если каждую неделю будете мыть, так и быть, бумагу не пошлем. Хорошо ведь вышло? Ха-ха-ха! Нет худа без добра – есть пословица.

С этого времени, аккуратно по субботам, без всякого напоминания, производилось в школе мытье полов в течение, по крайней мере, месяцев двух, но потом писарь, очевидно, успокоился в предположении, что бумага его не будет уже отправлена, в чем надеялся и на крестного, и все пошло по-прежнему.

Приезд мирового

Прослужил я уже четыре месяца, но жалованья не получил, а получать его приходилось от того же волостного правления в размере 16 р. 66 к. в месяц или 200 р. в год.

В течение этого времени обращался раза три с просьбой о выдаче, но получил от писаря ответ, что денег нет.

Мне было совестно пред хозяевами квартиры: живу у них: пью, ем – и денег не плачу, хотя им и известна причина.

– Ожидать аккуратности в выдаче жалованья, – говорил о. Григорий, – у нас не приходится. Мне тоже положено по 12 р. в месяц за пользование крестьянами церковною землею, а придешь за получением – часто такой же ответ: денег нет.

– Но как же мне-то быть? – спрашиваю.

– Ничего, потерпи, дружок. Ведь я квартирные не прошу.

– А если бы я на другой квартире был, где не стали бы ждать, что ж тогда?

– Правда, было бы плохо. Но погоди, может, и это дело направится. Я слышал от писаря, что скоро приедет мировой, Дмитрий Степанович, наш школьный попечитель. Он все может, его и будем просить.

– Как-то бы добиться при его помощи и более аккуратного мытья в школе полов, а то опять ведь запускают. Вот уже три недели не мыли.

– Непременно, непременно и об этом скажем. К его обязанности относится, как попечителя.

После этого разговора долго ждать приезда попечителя не пришлось.

Дня через два, поутру, когда я был в школе, послышался звон бубенчиков, и к дому о.Григория проскакала тройка, запряженная в фэтон. Догадываюсь, что приехал мировой, который, как говорил о.Григорий, имел обыкновение останавливаться у него.

Дом о.Григория виден был из окон школы, и спустя около часа времени я увидел выходящего из калитки у дома, в сопровождении о.Григория, чиновника в дохе, который и направился к школе.

Дорогою они оживленно о чем-то говорили, даже останавливаясь.

Речь, вероятно, шла о школе. Поравнявшись со школою, они обошли ее кругом, осматривая стены и крышу.

– Здравствуйте, господин двигатель народного просвещения! – обратился ко мне вошедший в школу мировой с добродушной улыбкой, подавая руку. – Здорово, детки-зонки! – приветствовал он ребят, вставших при его входе. – Садитесь, занимайтесь. Хорошо,

очень хорошо! А не трудно вам? Очень уж вы молоды. Ведь с этим народцем в особенности будет трудно возиться.

– Ничего, привыкаю, пока не кажется трудно.

– Да много-то сразу не затевайте, а то у вас, едва школу открыли, и пансион появился, а там еще что-нибудь выдумаете.

– Но сделать это нам неизбежно пришлось.

– О. Григорий рассказал мне все. Да, да, что ж делать! Хорошо, очень хорошо!

Последнее выражение, как я заметил, Дмитрий Степанович часто употреблял, как присловье.

– Ну и грязь же тут у вас, – заметил он, смотря на почерневший от грязи пол. – И этого не хотят сделать! Срам! Доберусь я до вашего крестничка, батюшка. Не старшина, а он тут хочет командовать. Вы мне расскажите потом у о. Григория о всем, что вам и школе нужно. Сделаю, что могу, как попечитель. «Назвался груздем – полезай в кузов» – по пословице. А славные стали ребята! Молодцы! – обернулся Дмитрий Степанович к школьникам. – Только надо их задобрить, чтобы не разбежались, приохотить. Это ваш сторож? – спросил он, видя стоявшего у печки Фрола.

– Да, сторож.

– Лавочка в селе с бакалеем у вас есть?

– Есть одна маленькая.

– Иди-ка, сторож, в лавочку и купи пряников и орехов. Вот тебе два рубля, на все. Сделаем им маленький праздник. Вы долго будете заниматься? – спросил он меня.

– Еще один урок, час.

– Хорошо, очень хорошо! Я пойду в волость сейчас, надо проборку сделать там кой-кому, между прочим, конечно, и за школу, а потом будем обедать. Разделите угощение-то ребятам, да и приходите. До свидания, пока!

Он вышел, а о.Григорий остался в школе.

– Что же вы, батюшка, о всем ему рассказали и о бумаге писаря?

– А то как же? Хотя писарь и крестник мой, но считает себя, видно, уже вышедшим из-под моей опеки, и я не могу ему спускать, когда он в нашем деле начал тормозить. Только стыдно мне за него: я же ведь место ему выхлопотал у мирового.

Попечитель

По окончании занятий, раздавши подарок попечителя школьникам, которые очень им были обрадованы, мы распустили приходящих учеников и пошли обедать.

В ожидании гостя, который не пришел еще из волостного правления, о.Григорий сообщил мне, что попечитель нашей школы лицо всесильное в крае, в пределах своего участка, делает много полезного, и мы можем воспользоваться его приездом для улучшения положения школы; надо о всем ему рассказать, и все

возможное он сделает. Человек он энергичный, настойчивый, чего захочет – достигнет.

– Хорошо, очень хорошо! – слышалась из передней обычная поговорка Дмитрия Степановича, и он вошел в комнату, где уже накрыт был обеденный стол. – Ну, еще здравствуйте! И нагнал же жару на ваших неприятелей, а писаря разжаловал.

– Как? Что ты? – удивленно спросил о.Григорий.

– А что ж с ним делать, раз он не удовлетворяет своему назначению. Положим, он твой протеже (с о.Григорием они были на «ты»), но рассуди сам: писать не умеет, напорет в какой-нибудь официальной бумаге такую чушь – ничего не поймешь, взяточники начал побирать, а вдобавок эти выходки против школы. Я и посадил его пока на свое место, опять в помощники, а писаря пришлю сюда нового, до прибытия которого только он и послужит. Старшине тоже, если не исправится, обещал кой-чего. Глуп уж он очень и бестолков, и немудрено, что Сысолетин везде командовал. Неужель тут не найдется кого-либо поумнее, грамотного и лучше бы из русских.

– Есть, пожалуй, из карагайских переселенцев один, подходящий будет.

– Вот, вот, покажи мне его, когда буду на сходе. Надо понастоять, чтоб его выбрали.

Мы почему-то не ожидали такого крутого поворота: о.Григорий был озадачен. Пред приходом из волости мирового он меня еще предупредил не показывать бумагу писаря до времени, жалеючи его. Я

же был совсем не намерен показывать, так как в последнее время полы в училище все-таки мыли, хотя и неаккуратно. Но теперь, когда другие обстоятельства повлияли на решение мирового устранить Сысолетина, о.Григорий сам начал:

– Сказать тебе по правде, Дмитрий Степанович, действительно Сысолетин не оправдал моих ожиданий, и я на понижение его не в претензии. Просил за него, жалеючи семью, да зазнался он скоро и даже меня, своего крестного, не стал признавать.

– Ну-ка, тезка, – сказал о.Григорий, обратившись ко мне, – покажи Дмитрию Степановичу бумажку-то для курьеза.

– Я отыскал бумагу в своей комнате и передал Дмитрию Степановичу.

– Ха, ха-ха! – раскатился он, прочитавши бумагу. – Во глупец-то! «Найти статью закона по слову предупреждения». Ха-ха-ха! Ну, скажи, пожалуйста, неужели этакого осла можно держать писарем? И ты еще молчал! Да ведь надо было тотчас же мне отправить, как он этот перл выпустил в свет.

– Жалко мне было его, хотел повременить еще, – оправдывался батюшка.

– А это ничего что ли, по-твоему, что учитель-то и все мальчуганы сидят поэтому в грязи и хлебают пыль, а между тем школа-то и должна вывести народ из грязи. Если я попечитель, так и буду им, насколько могу. Но я живу в стороне, почему я могу знать, что у Вас тут делается, если вы молчите. И не стыдно тебе после этого! – напустился мировой на о.Григория.

Разговор принял такой оборот, что о.Григорий был уже не рад, что показали бумажку.

– Ну, будет, довольно, довольно! – заговорил он. – Дело уж прошлое.

– Какое там прошлое? Нет, еще будущее. Вот я сейчас пойду в волость и окончательно выгоню твоего сиволапого, чтобы и нога его тут не была!

– Что ты? Что ты? Нет, зачем же! Теперь он тише воды, ниже травы будет. Досталось мне и достойно, не хлопочи за дураков. Давай-ка, лучше пообедаем. Вот попадья!

В это время вошла матушка, неся миску со щами, но Дмитрий Степанович еще не унялся, продолжая нападать на о.Григория.

– Хорош, ваш-то супруг, нечего сказать, – обратился он к матушке, – учителя с ребятами в грязи держит, а писарю-дураку потворствует.

– Да будет уж, будет. Давай-ка лучше перед щами-то пройдемся по мадерке. А то вот тут, если хочешь, есть настоечка сладенькая: морошка, рябинка, смородинка.

– Заговаривай зубы-то, – говорил уже добродушно Дмитрий Степанович. Они чокнулись.

– А вы, молодой человек?

– Благодарю вас, не пью.

– Хорошо, очень хорошо!

За обедом разговор большею частью вертелся около школы, и мы успели высказать все ее главные нужды. Попечитель во всем

обещал свое содействие и просил писать ему, если что будет нужно, и если будут вновь какие-либо козни против школы. Постройку нового здания для школы и волостного правления тоже обещал ускорить, чтоб с будущей осени переместить школу туда. Не утерпел о. Григорий и сообщил о невыплате мне жалования. Обещал и в этом свое содействие.

Под вечер Дмитрий Степанович опять пошел в волостное правление по делам и уже часов в десять выехал обратно в с. Кудымкор, где имел постоянное местожительство.

Волостной сход

Свидание с попечителем благотворно отозвалось на моей психике. Я почувствовал себя бодрее, уверенно смотрел на будущее и отдавался весь своему делу, не думал, что могут еще случиться какие-либо невзгоды на моем пути.

Но не так долго продолжалось такое состояние, всего около месяца. Помимо надобности в уплате денег за квартиру, я испытывал нужду в них, хотя в крайне ограниченном размере, и пошел в волостное правление, когда тут был старшина, с целью попросить жалованье. На просьбу мою получил от старшины обычный ответ, что денег в кассе нет. Чтоб добиться, хотя какой-нибудь получки, я пугнул его жалобой мировому.

– Коли уж нужда за клѣб пватить, дак дадим ему, Николай Пендорович, за мисеч жавованье? – спрашивал он писаря Сысолетина, который все еще исполнял эту обязанность.

– Дело твое, – отвечал, не глядя на него, писарь. – Я тут не причем.

– Дак выпиши ему мисеч.

Я должен был смириться и на этом, получивши 16 р. 66 к., из которых 15 р. следовало уже отдать за квартиру. Когда я сообщил о. Григорию, сколько я получил денег, он отказался наотрез получать квартирные.

– Другое дело еще, если б получил много. Нет, нет, и не думай, тезка, не надо. Ведь ты хотел еще журнал выписать? Вот, когда покопишь в волости, разом получишь кучку, тогда и рассчитаешься. Не беспокойся, кредит не закроем, а ты все-таки свое получишь, в крайнем случае, попечителя за бок, заставит выдать.

Так я и продолжал жить в кредит, но получил возможность выписать «Педагогический листок» и «Ниву».

В одно воскресенье, после обедни, за чаем, о. Григорий сообщил, что вечером должен состояться волостной сход, будет рассматриваться и утверждаться смета на следующий год. Интересно, как пройдет ассигновка на содержание училища? Мы решили как-нибудь протянуться в волость и послушать, о чем будут толковать, но пред вечером о. Григория увезли требой, и на сход я пошел один, взяв с собой только «зонку» в качестве переводчика.

Подходя к ветхому дому, в котором помещалось волостное правление, я уже с улицы слышал хаотический гул многих голосов, а когда открыл входную дверь, меня обдало густым паром и страшно спертым воздухом с примесью всевозможных запахов, до самого невозможного включительно.

Я остановился около самой двери и в первое время, за скудностью освещения и обилия паров в воздухе, я не мог ничего рассмотреть. Видел только какую-то черную копошащуюся массу – «чудище обло, озорно, отоглава и лаяй» вспомнилось определение, но мало-помалу стал различать и скуластые, однотипные физиономии. Что-либо понять в этом хаосе звуков не было никакой возможности. Все кричали на своем языке, стараясь перекричать друг друга. Старшина взобрался на стул и стоял на нем, старался остановить крики, крича сам и тряся поднятыми вверх конторскими счетами, вместо звонка. Наконец, голоса понемногу стали затихать, раздалось еще несколько выкриков, и все стихло.

– Дак согвасны? – спрашивал сход пискливым, сиплым голосом старшина, по-русски.

– Согвасны, согвасны, за всемя! – отвечал сход.

– Значит старшине 120 р.? – переспросил писарь.

– Пиши 120, – гудел сход.

– На жалованье волостному писарю 600 р. и его канцелярии, – читал смету писарь.

– Согвасны? – вопрошал сход старшина. Опять началось галдение с отдельными выкриками. – А кто писарем будет? – кричал кто-то. – Никова Петдоровича?

– Нет, писарем будет русский, – пояснил старшина, – мировой пошлет.

– Чинтны кова! Чинтны! Чинтны! – заорала масса.

– Что значит? – спрашиваю «зонку».

– Сбавить надо, – перевел он.

– Сколько сбавляйте? – спрашивает старшина.

– Двисти! Триста! Двисти! – раздаются отдельные выкрики среди хаотического гула.

После недолгого спора между партиями порешили на сбавке 200 р., что и приказал записать в приговор старшина. Дальше проходили ассигнования на другие предметы расходов по волости.

– Смета по содержанию училища, – объявляет писарь. – Жалованья учителю 200 рублей.

– Согвасны? – спрашивает старшина.

– Уна! Уна! (Много) – заорала масса. – Чинтны! Чинтны! (Сбавить, сбавить). Не надо шкову! – кричит кто-то. – Расходу много, не надо шкову!

– Свышите, народ! – начал выкрикивать старшина.

– Шкову надо – не надо, а приказано держать! Свышите! Мировой велит, земство!

– Чинтны! Чинтны! – кричат многие голоса.

– Сбавить-то жалованье можно, – поясняет старшина, – дево не видим ишшо. Уна ли? (Сколько?). – Пятьдесят! Восемьдесят! Пятьдесят! – раздаются предложения.

– Ну, пятьдесят что ли? – спрашивает писарь.

– Согвасны! Согвасны! – закричали почти все, поднявши руки.

В спертom до крайности воздухе, в котором, как говорится, топор можно повесить, в жару, я не мог дальше оставаться и, оставив «зонку» дослушать сход, вышел.

– Что хорошего? – встретила меня вопросом матушка.

– Хорошего – ничего, худого – есть: жалованье мне сбавил, вот что.

– Не бывать этому. Вот скоро Серапионович приедет, может, застанет сход, сходит, уговорит мужиков, сделает по-старому, а не сделают – Дмитрию Степановичу напишем.

Но о.Григорий приехал уже поздно ночью, когда сход был распущен, поправить дело было нельзя.

Зная отношение населения к школе, которая ему была навязана, я не особенно возмущался, получив сбавку жалованья, рассчитывая со временем доказать пользу грамоты, когда само собою и изменится к лучшему это отношение. К тому же потребности мои пока невелики, не пью, не курю, было бы только чем за квартиру рассчитаться.

Предложение взятки

За все учебное время до святок пансионеров из общежития домой мы не отпускали, невзирая на просьбы некоторых родителей, привозивших по воскресеньям продовольствие детям на неделю. Мы опасались, что отпустивши на побывку, нам не вернут ребят, но подошли святки и двухнедельные каникулы, и приходилось их распустить.

Перед отпуском я устроил с ребятами беседу и между прочим расспрашивал – нравится ли им школа, и желают ли они продолжать учение, все выразили желание учиться и обещали вернуться в срок.

Во время святочного отдыха я уезжал на два дня в с. Кудымкор, расположенное среди пермяцкого же, но почти совсем обрусевшего населения. Целью поездки было познакомиться с тамошним учителем, который был далеко меня старше и имел продолжительную практику. Поездка была не бесполезна: я получил от товарища некоторые ценные указания в деле обучения пермяков и приятно провел время. Он оказался очень симпатичным человеком. Узнавши от меня, что я практикуюсь в игре на скрипке, он взял с меня слово приехать к нему в какой-нибудь праздник и захватить с собою скрипку, чтоб разыграть с ним дуэты, т.к. он тоже скрипач. Это был Иван Львович Подюков.

Хотя и не совсем исправно, но с Крещения наши школьники начали возвращаться из деревень, и к 10 января были все налицо.

Один из родителей, привезший в общежитие своего сына, обратился ко мне с просьбой, освободить его сына от учения, ссылаясь на домашнюю в нем надобность. Мальчик же был один из способных, полюбил школу и, слыша речь отца, пригорюнился.

Я стал отговаривать, разумеется, толкуя ему о пользе грамоты, но мужичок, не добившись моего согласия на увольнение, взял с лавки привезенный им мешок и начал из него что-то вытряхивать. Из мешка выпал на лавку мороженный поросенок, а за ним посыпались тушки рябчиков.

– Вот, ученьшик, возьми, только сдевай мивость – уволь!

– Нет, не могу, напрасно беспокоишься.

Мужик нахмурился, ребята смеялись.

Чтоб прекратить сцену и избавиться от назойливости мужика, мне пришло в голову направить его к о.Григорию, который был дома, для соответствующего внушения.

– Хорошо, дядя, возьму, только ведь я на квартире о.Григория, так ты и отнеси туда да и его спроси: согласен ли он уволить твоего сына. Если согласится, так и я тоже буду согласен. А иначе нельзя, дело у нас общее.

– Вадно, вадно, унесу ино. Пасиб, пасиб!

Но я подумал – не рано ли говоришь спасибо, предвидя, что там произойдет.

По приходе на квартиру от о.Григория узнаю, что он действительно сделал надлежащее внушение мужичку и уговорил оставить сына, пообещав отпустить потом на полевые работы как

«бороноволока». От приношения за себя и за меня отказывался, но мужик настоял и не взял обратно, а уходя, сказал: «Учите уж хорошенько, чтоб писарем став».

Второй волостной сход

Квартирохозяин мой не утерпел и о постановлении волостного схода сбавить мне и писарю жалованья сообщил письмом мировому, на которое и получил ответ, что он приговор не утвердил, велел собрать новый сход, на который приедет сам.

Прибыл новый писарь из русских, назначенный мировым, с которым я и познакомился в доме о. Григория. Оказался человеком довольно развитым. В назначенный для схода день к дому о. Григория подкатила повозка, из которой нелегко вылезал довольно тучный Дмитрий Степанович. При входе в переднюю по обыкновению слышалось «хорошо, очень хорошо», а затем следовали приветствия.

– Ну что? Сердитесь на мужиков-то за сбавку жалованья? – обратился он вскоре ко мне.

– Нет, – говорю. – Что на них серчать! Я понимаю, они по-своему правы, в школе надобности не видят, мирские расходы растут.

– Так-то так. Значит, что же? Едва открыли школу и закрывать что ли? Нет, не придется. Вот я их введу в христианскую веру, увидите.

Вечером, когда должен открыться сход, Дмитрий Степанович пригласил меня и о.Григория с собою.

Подходя к дому, занимаемому волостным правлением, мы слышали гул многих голосов, как и в первый раз, когда я ходил на сход, но как только переступили порог, все сразу смолкло.

Дмитрий Степанович прошел среди расступившейся людской массы в присутствие и, раздевшись там, вышел в людскую, где посредине был поставлен стол с разложенными на нем бумагами и два-три стула. Около стояли старшина и новый писарь. Дмитрий Степанович предложил нам сесть, а сам стоя поздоровался с народом и начал речь, объясняя, почему приговор предыдущего схода не был утвержден им, а затем предложил пересмотреть смету. Когда дошли до жалованья писарю, убавленного прошлым сходом только потому, что писарем назначался не их однообщественник, а сторонний, русский, Дмитрий Степанович настоял на прежнем окладе, что сходом было принято без возражений.

Дошли до жалованья учителю.

– Ну-ка, пусть мне кто-нибудь объяснит, почему вами сбавлено жалованье учителю? – обратился он к народу.

Все молчали.

– Что же? Ведь причина была же какая-нибудь?

– Не надо нам шкову, – кто-то робко заявил сзади, из темноты.

– Не надо, не надо, – раздалось сзади еще несколько голосов.

– Кто говорит? Иди-ка сюда, потолкуем.

Никто не вышел. Дмитрий Степанович взял со стола свечу и пошел по направлению к месту, откуда слышались возражения.

– Кто сказал первый? Кто?

Перед ним расступались, но говорившего первым обнаружить не удалось. Вернувшись к столу, Дмитрий Степанович начал объяснять для чего нужна народу школа и затем предложил голосовать – кто за прежний оклад жалованья учителю и кто за сбавку.

– Согласные на прежний оклад идите направо от стола, несогласные налево, – указал он.

Старшина объяснил им по-своему. Из массы начали отделяться один по одному и становиться направо. Кончилось тем, что направо уже некуда было вставать, а все прибывали, а левая сторона совершенно пустовала, остался, наконец, только один субъект, который хотя медленно, но тоже подвигался за толпою. Это был Сысолетин.

– А, голубчик! Уж не дело ли это твоих рук? – обратился к нему мировой.

– Нет, В-ше В-родие. Я не против школы, как же можно, – ответил Сысолетин, становясь направо.

– То-то брат. Ну, значит, согласны оставить учителю жалованье по-прежнему?

– Согвасны! Согвасны! – закричали все.

– А теперь я вот еще что скажу: надо вернуть учителю и недоданное жалованье, чтоб не обидеть его. Так ведь?

– Согвасны! Согвасны!

– Хорошо, очень хорошо! Зато он вам и послужит, и сами увидите, что школа – добро, слепому – глаза.

Перешли к другим статьям расхода и, между прочим, к ассигновке денег на постройку здания для волостного правления и школы.

К постройке решили приступить с весны же и ассигновали для этого сумму из денег, получаемых волостью с купца Вилесова за право содержания в селе питейного заведения, так называемых «кабацких».

Таким образом, все вопросы были разрешены сходом в положительном смысле.

Я и о.Григорий были в восторге и не знали, как выразить признательность попечителю.

Женское отделение

С этого времени отношение к школе со стороны волостного правления изменилось к лучшему, благодаря воздействию попечителя и готовности нового волостного писаря помогать школе в хозяйственных нуждах, так что не приходилось уже испытывать тревожения из-за какого-нибудь отказа школе в удовлетворении ее просьбы, вроде просьбы вымыть полы и т.п. Таким образом, жизнь школы пошла нормальным путем, и явилась возможность спокойно предаваться исполнению своего долга.

Работая с утра до двух часов дня, послеобеденное время до позднего вечера я проводил среди питомцев общежития, занимая их играми, рисованием, к которому они пристрастились; в то же время непосредственная близость к этим маленьким «подлиповцам» способствовала мне в практическом изучении их языка, а они постепенно знакомились с русской речью.

Как-то за обедом хозяин моей квартиры сделал мне такое замечание.

– Слишком уж энергично ты, тезка, принялся за дело, смотри не надорвись!

– Не беспокойтесь за меня, – говорю. – Я чувствую себя вполне здоровым. Да знаете ли, что ныне пришло мне в голову? Вот мы учим только мальчиков, девочки же тут остаются неграмотными, так сказать, за бортом. Принимать их в нашу школу нельзя: смешанная школа не допускается. Я думаю, добрый десяток найдется в одном нашем селе. Пора учить и вашу Манечку.

– Так-то оно так, да что же делать?

– А вот что я думаю, не найдется ли у кого-либо в селе свободной комнаты? Снять бы эту комнату, собрать в нее желающих учиться, открыть женское отделение.

– Но кто же будет учить? Ведь у тебя нет времени?

– Я буду ходить в отделение, когда свободен, т.е. в те часы, когда в школе ваши уроки. Это, значит, три раза в неделю, по два часа каждый раз. Этого, конечно, мало, но я рассчитываю еще каждый день, после занятий в школе, уделять час времени для

занятий в отделении, отодвигая на час только время обеда. А чем будут заняты девочки во время моего отсутствия – вопрос можно, кажется, разрешить так. У нас в селе есть рукодельница, прошедшая монастырскую школу. Это дочь просвирни, как вы знаете. Ее и пригласить преподавательницей рукоделий, но не бесплатно, а вознаграждение испросим у земства. Обучение рукодельям может расположить к школе и население.

– Ну, однако, как ловко ты придумал. Ведь это дело, но опять же ты берешь на себя лишний труд. А знаешь что, тезка? Хорошо ты придумал пригласить учительницей рукоделий Аннушку просвирнину. У них же в старом церковном доме и комната свободная найдется.

В наш разговор вмешалась и матушка.

– И я не обсев в поле, чем могу, тоже помогу, к тому же и наша Маня будет тут учиться. Для рукоделий надо материал – я и его дам, да не одной Мане, а всем, кто будет учиться.

У нас слово не расходилось с делом. Не прошло недели, как, придя из школы, я был встречен возгласом о Григория.

– Готово, брат! Что можно, я все сделал для женского отделения: комната найдена, сделана кой-какая немудрая обстановка; вместо парт наставили скамейки и столики, согласие Аннушки получено. Действуем, значит! Даже список составил, опросивши родителей, желающих обучать девочек. Набралось на первый раз двенадцать экземпляров, а может, и еще будут. Хорошо?

– Что говорить! Значит, завтра же и начнем, без всяких церемоний.

На посланное нами в земскую управу сообщение о числе желающих учиться девочек, найденном для отделения бесплатном помещении и о приглашении учительницы рукоделий в скором времени получили ответ, что управа одобряет это мероприятие и назначает вознаграждение учительнице на первый раз 5 руб. в месяц.

Катушка – спорт

Так как до занятия должности учителя в Верх-Иньвенской школе я имел некоторую практику в русской школе, то, сравнивая индивидуальные особенности русских детей с особенностями детей инородцев-пермяков, я нашел, что первые легко воспринимают сообщаемое на уроках, но бывают рассеянными, тогда как вторые, наоборот, туго усваивая сообщаемое, отличаются большей сосредоточенностью, и раз усвоенное твердо держится в их памяти.

Физически же дети пермяков отличаются от русских детей малоподвижностью, вялостью, свойственной и взрослым, что можно объяснить, пожалуй, систематическим употреблением родителями хмельного напитка – «сюра», который в домашнем быту попадает, конечно, и в желудки детей.

Нужно было как-нибудь расшевеливать детишек.

Дома на их долю приходилась кой-какая физическая работа, но у нас она отсутствовала; надо было что-нибудь придумать.

И вот, пока что, в виду зимнего времени и изобилия вокруг снега мы с детьми в свободное от занятий время, по вечерам, надумали устроить около школы снежную горку – «катушку». С большим оживлением принялись дети за работу, несмотря на врожденную свою малоподвижность, работая лопатами, собранными у соседей, и перекатывая комья слипшегося в оттепель снега на несколько покатое, избранное для катушки, место.

Через несколько дней наша катушка была готова, хорошо улита водой, которую привозил с реки в бочке поповский «зонка». Вопрос о санках-салазках решен был так: нашлись большие лубки, на которые могли поместиться четверо-пятеро детей, и которые по хорошо политой горке катились довольно далеко.

Пермячки наши оживились, вышли из своего обычного инертного состояния; затея пришлась им по душе и приносила, конечно, несомненную им пользу.

Катушка существовала у нас вплоть до теплых весенних дней, дети пользовались ею до последнего момента, пока морозные утренники несколько задерживали таяние.

После этого мы не могли придумать для детей каких-либо физических упражнений и по просухе предпринимали только прогулки в лес.

Бороноволока

К вспашке полей под яровые в местности приступали около первого числа мая (стар. ст.), и день 1 мая крестьяне называли днем «Еремея-запрягальника».

В конце апреля начали заходить в школу отцы учащихся и обращаться с просьбою, отпустить их детей на домашнюю работу и именно на бороньбу.

Как объясняли, эту работу исполняют все подростки школьного и даже, в некоторых случаях, дошкольного возраста – бороноволоки. Бороноволоки управляют лошадей, запряженной в борону, сидя на лошади верхом.

Так как просьбы такого рода со стороны родителей участились и, хотя каникул в это время не полагалось, мы решили сделать перерыв в школьных занятиях на две недели, распустив учащихся по домам, но сообщить об этом начальству*.

После отпуска учащихся на бороньбу занятия в школе продолжались до конца июня, затем школьники были распущены по домам на время летних каникул, до сентября.

Так был закончен первый год моего учительства.

В виду начавшейся с весны постройки здания волостного правления, в верхнем этаже которого должна была поместиться школа, во время каникул я несколько раз приезжал в село для

---

* В последствии этот перерыв был узаконен, допускался и в других инородческих пермяцких школах.

наблюдения за устройством собственно школьного помещения. Дело в том, что по плану, данному подрядчику, неизвестно кем составленному, расположение комнат верхнего этажа не соответствовало назначению, и приходилось настаивать на некотором изменении плана, чего достигнуть до некоторой степени удалось.

План был настолько дурно составлен, что, вопреки принятому обычаю, окна верхнего этажа были спроектированы размерами меньше окон первого этажа. Постройка производилась счетом волости, и земство не вмешивалось в это дело.

В новом помещении школы. Столярная мастерская

В сентябре явилась возможность переместить нашу школу, с ее убогою утварью, в новое здание, но начать занятия пришлось только с первого октября, за неявкою к сроку большинства учащихся из деревень. Оказалось, что в местности осенью производится крестьянами вывозка навоза на поля, в коей работе принимают участие и подростки.

В первых числах октября подобрались все учащиеся первого учебного года и десяток новичков, приведенных родителями в школу добровольно. Таким образом, комплект учащихся достиг 40 человек, не считая женского отделения, помещавшегося по-прежнему особо в церковном доме.

В старом школьном доме поместилось общежитие.

Помещение для школы занимало средину верхнего этажа и состояло из одной большой классной комнаты, а рядом, с одной стороны, небольшая комната и кухня для квартиры учителя, с другой стороны, – сторожевая и еще комната, в которой мы решили устроить какую-нибудь мастерскую.

Продолжая столоваться у о. Григория, я перебрался в свою новую квартиру со своим убогим скарбом.

Земство дало средства на устройство обстановки ученических столов и пр., и мы были озабочены приисканием мастера. В селе и во всей волости столярным ремеслом никто не занимался, приходилось искать мастера в другом месте, но около этого времени вышел домой с военной службы солдатик по прозвищу Мазур, которое дано ему было за игру на гармошке польки-мазурки. Он на службе обучался столярному ремеслу и отбывал солдатчину целых восемь лет. Наше приглашение в мастера он принял с радостью. Мы отвели ему запасную комнату для мастерской и дали двух подручных из старших учеников, которые сами пожелали обучаться столярному ремеслу в свободное от школьных занятий время. Мазур оказался работоспособным и знающим мастером. Первоначально при изготовлении парт и другой мебели он получал сдельную плату, но когда ему удалось увлечь работой ребят, которых у него в качестве подручных набралось уже шесть человек, нам пришло в голову возбудить пред земством ходатайство об открытии при школе столярной мастерской и назначении Мазура преподавателем с

определенным месячным жалованьем, мотивируя, что в местности большая нужда в таких ремесленниках и что школа выиграет в глазах населения через это мероприятие. И вот ходатайство наше увенчалось успехом: нам прислали набор инструментов, преподавателю назначили жалованье по 15 р. в месяц.

Начали поступать заказы на табуреты, скамейки, столы и т.п., и дело пошло.

Моя жизнь в с.Верх-Иньва в дальнейшем

В течение второго года моей службы в с. Верх-Иньва, а также и далее мне не приходилось уже испытывать невзгоды и тревожения первого года: новые лица волостной администрации – старшина (из русских переселенцев) и писарь – относились к школе вполне доброжелательно, отзываясь удовлетворением ее нужд, с открытием при школе столярной мастерской население заметно с течением времени изменяло свое, вначале косное, отношение к школе, видя практическое применение учебы; земство объединило в своей кассе волостные ассигнования на содержание школ вообще, и начало аккуратно высылать и жалованье и деньги на хозяйственные расходы, причем жалованье мне увеличило до 20 р. в месяц. Таким образом, явилась возможность спокойно отдаваться работе.

Я заметил, что местные крестьяне испытывают недостаток в своих наделах лугов, что служит тормозом в развитии

животноводства. Многие свой рогатый и мелкий скот держат впроголодь, собирая плохое сено на лесных прогалинах и питая яровой соломой. И вот мне пришло в голову произвести опыт травосеяния, о чем в крае не имели понятия.

Я обратился к земской управе с своим проектом и просьбою, в случае одобрения, о присылке семян. Это было в третьем году моего пребывания в Верх-Иньве, т.е. в 1875-м году.

Земская управа отнеслась сочувственно к моему начинанию и выслала семена клевера, тимофеевки, лисохвоста, вики, люцерны и эспарцета. Оставалось только подыскать и подготовить для посева земельный участок.

Около нового здания волостного правления и школы находился пустопорожний участок, который, размерами около четверти десятины, и был предоставлен нам под опыты; причем старшина распорядился его огородить за счет волости.

Грунт участка оказался очень твердым, т.к. попала в него часть бывшей тут дороги, и я кое-как нашел пахаря, который согласился его вспахать, а затем я и ребята разделали его лопатами, добавив в скудную почву старого перепревшего навоза из найденной нами неподалеку кучи.

На первый раз посеяли вику и клевер с тимофеевкой.

Некоторые из приезжавших по своим делам в волостное правление крестьян заглядывали на нашу работу и, узнавши, что мы сеем траву, относились скептически к нашей работе, считая ее бесполезной, и даже посмеивались над нами.

Присланные нам семена оказались очень всхожими, и вскоре поле наше зазеленело: поднялась вика, тимофеевка, а под ними начал показываться и клевер, который должен дать урожай уже на следующее лето.

Под осень вика достигла роста огородного гороха. Приходившие в волость по делам крестьяне, видя результат нашей работы, уже не смеялись над нами, а заинтересовались и оказались желающие сделать у себя опыт на огороженных участках около гумен, запрашивали меня, где достать семена. Для опытов земство высылало семена в небольшом количестве бесплатно. Просьбы этих крестьян удовлетворялись, и, таким образом, дело травосеяния стало развиваться. Часть участка нами отведена была под садик, и осенью мы сделали на ней посадку деревьев местных лиственных пород.

Тут же при содействии волостного старшины были устроены гимнастические снаряды, и поставлен столб для исполинских шагов.

Комнатные гимнастические упражнения введены были мною в зимнее время, по руководству Ухова, и проделывались почти ежедневно в большую перемену.

В четвертом году моей службы здесь число учащихся достигло уже 60-ти. Трудно было справляться одному с таким количеством, и мне дан был помощник из пермяков, обучавшийся в уездном училище в г. Соликамске. Хотя практически он не был знаком с делом, приходилось им руководить, но, тем не менее, труд мой был облегчен.

Жалование мне было увеличено до 25 рублей в месяц, помощнику же назначено 15 рублей. В таком размере жалованье я получал до конца своей службы в этом селе, но, несмотря на его мизерность, ввиду исключительной дешевизны продовольствия (за стол с меня брали по-прежнему 5 рублей в месяц), а также ограниченности потребностей, мне не только хватало его, но по окончании учебного года, в каникулы, я мог предпринимать поездки до г. Перми, с целью развлечения, скопивши рублей 60 и даже 80.

В зимнее время, в свободные вечерние часы, большим развлечением служила мне игра на скрипке, а весной и осенью – охота и рыболовство в свободные дни, разумеется.

Наш столярный мастер Мазур, рассматривая раз мою скрипку, выразил желание сделать мне виолончель, чтоб потом научить кого-нибудь аккомпанировать мне. Я заинтересовался и предложил ему между делами приступить к работе. Условились за плату в 10 рублей, если инструмент будет удачным. Я сделал ему чертежи и время от времени следил за его работой. Месяца через два или три Мазур окончил работу, оставалось только достать струны, сделать пробу. Наконец, достали струны и смычок, стали пробовать звуки, и что же? – вышел очень сносный инструмент, хотя мастер делал его впервые.

Обучаться игре высказал желание мой помощник. Я написал ему цифирные ноты и спустя некоторое время я играл на скрипке с аккомпанементом басовой партии. Все же не монотонно.

В 1877 году открылась война с Турцией, и наш мастер, будучи запасным, был мобилизован и, хотя через год вернулся, но уже увеченным.

Рыболовство раз чуть меня не сгубило. Ранней весной (помнится в апреле), когда река Иньва* выступила из берегов, надумали мы с «зонкой», работником о.Григория, половить рыбу ночью саком и пошли. В самую полночь чувствовалось дремотное состояние и, заловивши налима и еще несколько мелких рыбок, хотел было уже прекратить ловлю, но надумал еще раз закинуть сак и, пятась с ним назад, оступился с крутого берега, заполненного поднявшейся водою, и упал в воду в чем был, а на мне было толстое ватное пальто, большие охотничьи сапоги. Шест сака выпал из моих рук, я погрузился, хлебнув воды, но сильный прибой выбросил меня на поверхность, и я крикнул: «Тону!». «Зонка» не растерялся, кинул мне длинный шест сака, за который я ухватился, и он вытянул меня из воды. Холодная ледяная вода парализовала меня, и хотя я умею плавать, но потерял эту способность. Вылив воду из сапог и выжав кой-как одежду у костра, направились домой, причем первоначально двигался я с трудом.

Дотащившись до дома о.Григория я затаился было в постель, переменяв только нижнее белье, но «зонка» успел разболтать, что я тонул, и о.Григорий заставил меня натереться водкой с уксусом и выпить рюмку перцовки.

---

* *Инь-ва в переводе с коми-пермяцкого «бабья вода»*

Отделался я легко, поболела только голова, хотя после ледяной ванны можно было ожидать худшего.

В каникулы 1877 года земством были организованы в Чермозском заводе месячные курсы для учителей начальных школ. В числе слушателей был и я со своим помощником. Курсы эти почти ничего нам не дали, т.к. приглашенные на них лектора из видных педагогов не прибыли, и мы – учителя – в течение месяца вынуждены были учить друг друга, давая образцовые и пробные уроки. Руководителем же был инспектор школ Визгин из штатных смотрителей, не освоивший новых приемов преподавания и, пытаясь дать пример, нередко попадал впросак.

Правда, ближайшее знакомство с товарищами, общность интересов, обмен мнениями, все-таки принесли нам, несомненно, пользу.

В декабре 1877г. я получил письмо от товарища, учителя Кудымкорского училища, И.Л. Подюкова, которым он извещал меня, что в январе он оставляет службу в Кудымкоре и поступает надзирателем, или помощником классного наставника в Пермское реальное училище и, вместе с тем предложил мне занять его место, о чем, в утвердительном случае, я должен подать заявление в Училищный Совет.

Соблазн для меня был велик. Школа в с.Кудымкоре существовала давно и была хорошо обеспечена в хозяйственном отношении. Местное население из обрусевших пермяков, а частью и русские, что значительно облегчало школьную работу.

Хотя нелегко было мне расставаться со своим детищем, Верх-Иньвенской школой, но, чувствуя уже некоторое утомление после 5 лет работы, я решил подать заявление, о чем до получения ответа не сказал о.Григорию. Дней через десять я получил ответ, что Училищный Совет согласен на перевод меня в Кудымкор и предлагает выехать и принять школу, сдавши Верх-Иньвенскую временно помощнику.

Известие о моем переводе тезка мой принял с большим негодованием, но под конец смирился, удовлетворившись моими доводами о некоторых преимуществах службы в Кудымкоре, и мы расстались друзьями. Недовольство моим поступком со стороны о.Григория было понятно, ведь мы имели в течение пяти лет общее дело, вели его рука об руку, как говорят, жили, можно сказать, одной жизнью и вдруг – разрыв.

Но вот чего я никак не мог ожидать, и что чуть не заставило меня взять обратно свое заявление о переводе.

Уже в день отъезда в мою квартирку при школе начали являться один за другим мужички – пермяки, а затем явился и старшина с писарем. Хотя, узнавши о моем отъезде, они пришли на проводы, но все стали выражать сожаление, зачем я покидаю их, оставляю начатое дело, что они видят уже пользу от моей деятельности и т.д. Я был сильно растроган и, если б это произошло несколько раньше, возможно, что решился бы изменить свое намерение.

Так закончил я первый этап своей учительской деятельности и в дальнейшем, в течение всей семнадцатилетней работы на этом поприще, условия работы были уже несколько иными.

P.S. Тотмянин Григорий Серапионович (... – 1894.05.05).
Священник, похоронен в ограде Сретенской церкви с. Верх-Иньвенское
(Материалы к Русскому некрополю. В 1. СПб, 2003.)

Верх-Иньвенская волость и село Верх-Иньвенское

Пермские ведомости
среда, 17-го марта 1876 года
стр. 127
Часть неофициальная.

По верховьям реки Иньвы и ее незначительным притокам, в северо-западном углу Соликамского уезда, прилегая одной из своих сторон к губернской границе, расположена Верх-Иньвенская волость. Пространство, занимаемое волостью и равняющееся 180 кв. верстам, представляет неровную гористую поверхность и покрыто лесом, состоящим преимущественно из хвойных пород: сосны, ели и пихты. Из лиственных пород встречаются более береза и липа.

Почва суглинистая и требует значительного удобрения для посева.

Пашни по большей части находятся на горах и склонах гор, так как низменности в большинстве случаев представляют болота, поросшие лесом, за исключением только прибрежных луговых полос.

Земледелие, а именно возделывание ржи, ячменя, в небольшом количестве пшеницы, овса, конопли и льна, дающих в среднем урожай самъ три-четыре, составляет главное занятие местных жителей.

Местные жители – пермяки. Они живут небольшими деревнями, иногда дома на 3, 4 и 5, в черных, дымных, грязных и душных избах, семействами, нередко состоящими из 15, 20 и более душ.

Не одно хлебопашество составляет занятие здешних жителей. Некоторые из них выделывают дёготь (до 20 заводов в волости) в особо построенных деревянных сараях. Другие промышляют охотой, в осеннее время охотятся на белку (ур), а также ловят капканами и западнями зайцев (кэчь) – вкусное кушанье пермяков. В зимнее время большинство жителей работает в рудниках и куренях соседнего Кувинского завода, графа С.Г. Строганова, занимаются перевозкой угля и руды в заводе и перевозке чугуна (по 8 коп. с пуда) в камские, этого же владельца заводы: Очерский Оханского уезда и Добрянский Пермского уезда.

Образ жизни пермяков, в отношении к их одежде и пище, – очень прост. До сих пор они удерживают свой племенной характер с его недостатками.

Потрудясь летом на полевых работах, пермяк любит понежиться и отдохнуть зимой на теплой печке, около корчаги с теплой брагой (шенйт брага) – их родным любимым напитком.

Состоятельные крестьяне держат при доме до 8-ми лошадей (вэвь), столько же коров (мэсь), 3–4 свиней (порсь), столько же овец (баля) и десяток или полтора десятка куриц (курэгъ). Некоторые имеют коз (кэза).

Верх-Иньвенское село расположено на довольно возвышенном правом берегу реки Иньвы и окаймлено ею с трех сторон. От этой речки и само село получило название – Верх-Иньвенское.

В полуверсте от села, внизу по течению реки, стоит владельческая мельница, действующая на три станка.

Кроме того, на небольших притоках и верховьях реки Иньвы находится несколько, так называемых, мутовок, очень медленно и крупно размалывающих зерно, крестьянских маленьких мельниц.

Село Верх-Иньвенское состоит из пятидесяти дворов. Одна деревянная церковь, двухэтажный дом волостного правления, мужское одноклассное училище, которое помещается в верхнем этаже этого дома, вот и все село. Училище это из тесного прежнего помещения бывшей церковно-приходской школы, благодаря содействию попечителя и мирового судьи Д.С. Игнатьева и волостного старшины С. Шипицина, перемещено в просторное и довольно светлое помещение и снабжено новой классной мебелью.

Первая школа в Верх-Иньвенском селе была основана в 1867 году местным священником, отцом Григорием Тотмяниным, на средства притча. Сам отец (іерей) первоначально и был преподавателем в этой школе. Общество, однако, отнеслось не сочувственно к начатому отцом іереем делу. Все-таки ему, хотя и с трудом, удалось набрать до 25 мальчиков. Так школа продолжала существовать до 1872 года. Лучшее время для школы наступило с открытием земства. Узнав, что земство в своей деятельности заботится и о народном просвещении, отец Григорий Тотмянин стал хлопотать о вспоможенствовании и преобразовании школы в училище. Тогда же был определен по его стараниям и другой учитель.

Вновь назначенному учителю на первых порах, как человеку незнакомому с обстановкой и местным наречием, пришлось попасть в

исключительное положение по своим занятиям с учениками, чего он не мог ожидать.

Мальчики-пермяки, поступая в школу, вовсе не знают русского языка. Училище посещается ими весьма неаккуратно, а именно, мальчик, пробыв неделю в школе, на другую отрывается родителями на домашние полевые работы; в таком-то неудобном порядке занятий проходит весь учебный год. Учебники и пособия доставляются местной управой не совсем аккуратно, что еще более тормозит дело преподавания. Училище не имеет материальных средств, потому что в обществе не созрело сознание в необходимости образования.

Пока наше население видит в школе вещь совершенно не нужную и ко всем нуждам и потребностям остается глухо.

Григорий Вологдин,
учитель Верх-Иньвенской школы

Содержание

Об авторе.....	7
Самостоятельная жизнь. Учительство. (1872–1878 гг.)	
По дороге к месту службы.....	12
Место службы, приискание квартиры.....	16
Знакомство с хозяевами и выражение вопроса о квартире...	19
Школа.....	22
Первый день в школе.....	29
Пермяк.....	32
Общежитие.....	39
Первая неприятность.....	42
Дезертир.....	45
Старшина.....	48
Писарь.....	50
Приезд мирового.....	53
Попечитель.....	56
Волостной сход.....	60
Предложение взятки.....	65
Второй волостной сход.....	67
Женское отделение.....	70
Катушка – спорт.....	73
Бороноволока.....	75
В новом помещении школы. Столярная мастерская.....	76
Моя жизнь в с. Верх-Иньва в дальнейшем.....	78
Верх-Иньвенская волость и село Верх-Иньвенское.....	86

**История основания школы села Верх-Иньвенское
Верх-Иньвенской волости Соликамского уезда
Пермской губернии**

Составитель
Ермаков Алексей Ильич

Редактор Коколева В.Н.
Технический редактор Лукиных Н.А.
Верстка Лукиных Н.А.

В книге использованы иллюстрации
Симановой Александры и Ермакова А.И.

Объем 11,25 п.л.
Тираж ?? экз.

Адрес печатающей организации

